

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 82 Brisbane, Australia, April 2023

Брисбен

82

Апрель 2023 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.
Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”
Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.
Выпуск - 4 раза в год.

Оформление цветной обложки - © Tamara Maleevsky

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data

“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически. Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@optusnet.com.au или tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

*** Просьба:** посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

Сайт журнала в Интернете - <http://zhemchuzhina.yolasite.com>

Цена отдельного номера - \$ 7 плюс пересылка по Австралии и упаковка (**\$ 2.50**).

Стоимость годовой подписки - 4 журнала, включая пересылку по Австралии - **\$ 38.00**

Христос Воскресе!

Дорогих читателей,
авторов и друзей журнала
поздравляем с Великим Праздником
Светлого Христова Воскресения!
ред. журнала «Жемчужина».

Верую!..

В години кровавых смут и невзгод
Я верю в Россию! - я верю в народ!
Я верю в грядущее радостных дней
Величья и славы отчизны моей!
Я верю, что годы страданий пройдут,
Что люди свое окаянство поймут,
И буйную злобу и ненависть вновь
Заменил взаимная наша любовь.
Я верю, что в блеске воскресных лучей
Заблещут кресты златоглавых церквей.
И звон колокольный, как Божьи уста,
Вновь будет сзывать нас в обитель Христа.
Я верю - из крови, из слез и огня,
Мы встанем, бывшее безумье кляня,
И Русью Святой будет править, как встарь,
Помазанник Божий - исконный наш Царь.

Сергей Бехтеев

г. Ницца, 10 окт. 1937 г.

Говорят про Россию - убогая...

А она отвечает: «У Бога я
Под всевидящим оком отмечена
Вот такая, как есть: человеческая,
Прямодушная, сильная, светлая.
Это ваша беда, что заметно вам
Лишь худое, недоброе, стылое -
Значит в вас поселилось унылое,
Неправдивое и спесивое,
Бездуховное, некрасивое.
Чтоб ни делала, всё опорочите,
И не верите мне, и не прочтите.
Но не так всё, и знайте - у Бога я
Не забытая, не убогая,
Не постылая, а любимая,
Небесами извека хранимая...»

Анна Опарина

У ног Христа

*Прошу не прощенья – нет!
И думать о том не смею я.
Дай глаз Твоих видеть свет,
В котором вечности веянье.
Слова Твои, точно мёд, -
Их сердцем вливаю страстно я;
Пусть тело моё умрёт
Во имя Твоё прекрасное.
У ног Твоих сладко быть
Мне мукой моей встревоженной.
Позволь же мне их омыть
Своими слезами, Боже мой.*

Вера Кондратович. Харбин, 1945 г.
«Лира. Книга девяти поэтов».

“Придёт время и люди сойдут с ума. Того же, кто остался разумным, будут называть умалишенным, потому что он не такой как они.”

† Преп. Антоний Великий

ЦАРСКИЙ КРЕСТ

*Яко прежде даже петель не возгласит, отвержишися мене трикратно.
И изшед вон плакася горько. (Еванг. от Луки, гл. 22, ст. 61 и 62.)*

Служа Царю беспечно и небрежно,
Ему не жертвуя ничем и ничего,
Любили ль вы Его восторженно и нежно,
Болели ль вы душой всечасно за Него?

И в памятные дни пред смутой всенародной,
Когда Он всех нас звал к святыням алтаря,
Откликнулись ли вы на голос благородный
Многострадального, Пресветлого Царя?

Пошли ли вы в поля кровавой брани,
Чтоб грудью разогнать нахлынувшую тьму?
Вы принесли ль лепту посильной вашей дани,
Вы помогли ль душой и разумом Ему?

Что делали вы все, когда, один, с врагами,
Приехав в буйный Псков, по рельсам Он бродил,
И белый вешний снег алмазными звездами
Его чело печальное крестил?

Где были вы? - вы, рыцари присяги!
О, почему в тот миг, отвагою горя,
Не обнажили вы свои мечи и шпаги,
Чтоб ими защитит несчастливого Царя!

И на глазах у вас вошли к Нему злодеи,
И бармы и венец покорно Он отдал,
И в Царское Село стекались фарисеи,
И пьяный гарнизон Монарха оскорблял...

Тянулись мрачно дни, и раннею зарею
От синих гордых волн красавицы Невы
Отправили в Сибирь Его со всей Семьею;
О, в этот миг негодовали ль вы?

О, думали ль тогда вы о Его спасеньи?
Надеялись ли вы на что и на кого?
Готовили ль в те дни, в тревоге и в волненьи
Заветный план, чтоб выручить Его?

Что делали вы все, забыв Его заслуги?
Пытались ли Его из каторги спасти?
Вы помогли ль ему, как преданные слуги,
Тяжелый Крест по торжищам нести?

Святой Семьи страдания и муки
Не возмутили в вас ваш за костельный дух:
Подсев к костру, вы молча грели руки
И ждали, притаясь, как запоет петух...

И Он погиб, убитый палачами,
Он, шедший в мир для мира и добра.
А вы! вы плакали ль бессонными ночами
Слезами горькими Апостола Петра?

Сергей Бехтеев. Королевство СХС. 1922 г.

*Как жалок шут на троне короля!
Как глуп народ, который то позволил!" (Роберт Берис)*

Основы христианской культуры

2. ПРОБЛЕМА ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Не следует думать, будто мы уже пережили этот кризис, будто он уже за плечами. Нет, он только начался. Подлинная и глубокая, искренняя и цельная христианская религиозность не возродится так легко и скоро, от одной растерянности и страха; она возродится только от искренней тоски по Божьему лону, через любовь, обновленное созерцание и мудрость. Чуть ли не полмира болеет «просвещенным безбожием» и не ищет иного, и не умеет искать. Этим людям достаточно своего света, а о том, что настоящий духовный свет есть свет Божий, к Богу ведущий, Его показующий, – они и не помышляют. И за это «просвещенное безбожие», породившее ныне на наших глазах мировое революционно-коммунистическое движение, людям наверное придется расплачиваться, ибо творческая сила и духовная сопротивляемость современного человечества подорваны его беспочвенностью.

И вот, в самом разгаре этого великого духовно-религиозного кризиса перед нами встает проблема христианской культуры.

Как возможна ныне христианская культура, когда образованные слои человечества уходят от христианства и пытаются увлечь за собою необразованные и полубразованные массы? Как возможна христианская культура, когда христианство не нашло доселе верного творческого примирения и сочетания с великими светскими силами, увлекающими людей: с наукой, искусством, хозяйством, политикой? И более того, когда в человеческой душе происходит странное и страшное восстание инстинкта против веры и христианства, того самого животного, разнуздывающего инстинкта, пророком которого выступил Фридрих Ницше? И когда первая же положительная сила отпора, проснувшаяся в человечестве, сила национализма, доселе не принята и не облагодатствована христианством и сама не осознала своих христианских корней?

Казалось бы, что человечеству открыты сейчас только два пути: или создать нехристианскую культуру, или же совсем отвергнуть культуру из христианских побуждений...

Не подлежит сомнению, что нехристианская культура возможна у народов нехристианской веры; такова культура ислама, конфуцианства, буддизма, синтоизма. Но народы, бывшие долго христианскими и утратившие эту веру, не приобретя никакой другой, могут делать только напрасные попытки создать культуру вне веры и Бога, т.е. безбожную культуру. Эти попытки заранее обречены на неудачу. Из них ничего не выйдет потому, что культура творится не сознанием, не рассудком и не произволом, а целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа, отыскивающего прекрасную форму для глубокого содержания; значит - и бессознательными, ночными силами души и, прежде всего, инстинктом. А инстинкт способен держать и творить форму, вынашивать глубокие замыслы, вдохновляться, любить и беречь культуру лишь постольку, поскольку он приобщен духовности в порядке любви и веры. Вера есть духовный язык инстинкта. Утратить веру значит повергнуть инстинкт в немоту и бессилие или же разнуздать его. Поэтому человек без веры – или живет в отрыве от своего инстинкта, еще не разнуздавшегося по полной бездуховности и бесформенности (Запад), или же пребывает во власти своего уже разнуздавшегося инстинкта (большевизм). В отрыве от своих ночных, бессознательных сил человек будет создавать только плоские, пошлые выдумки, рассудочные выверты, мертвые трафареты; находясь же во власти своего разнуздания, он создаст только бесформенный хаос, больные химеры, извращенные сновидения наяву. Ни то, ни другое не будет культурой, потому что культура начинается там, где духовное содержание ищет себе верную и совершенную форму.

Именно такова судьба народов, утрачивающих свою исконную веру и впадающих в безверие и безбожие: они отрекаются от своей старой, драгоценной культуры и не создают никакой новой; они сходят в истории на «нет», в снижении, разложении и разврате, принимая свои больные и дурные создания за некое «новое слово» «новой культуры».

Что же остается христианину? Отвергнуть культуру из христианских побуждений? Принять такое толкование и понимание христианства, в силу которого ему нет дела до земных дел человека, до его земной жизни и земной судьбы? Решить, что Христос пришел не спасти человека, не «призвать грешников к покаянию», чтобы «обратиться им» и стать живыми, но - предоставить им гибнуть в слепоте, пошлости и разложении?

Признать это невозможно: это значило бы вложить в христианство некое чуждое ему толкование, по сравнению с которым самый последовательный буддизм оказался бы более оптимистичным и человеколюбивым; это значило бы исказить великий смысл Христова пришествия и перестать быть христианином. Ибо христианин призван не бежать от мира и человека, отвергая и проклиная их, но вносить свет Христова учения в земную жизнь и творчески раскрывать дары Святого Духа в ее ткани. А это и значит создавать христианскую культуру на земле.

Но в таком случае христианину, по-видимому, ничего не остается, как обратиться к Священному Писанию, почерпнуть из него прямые указания на то, какова должна быть христианская культура, и приступить к ее созиданию, которое необходимо уразуметь и одолеть.

Дело в том, что в Священном Писании Нового Завета никаких или почти никаких прямых указаний на то, какова должна быть христианская культура, не содержится; и, в частности, для тех сил, за которыми идет современное человечество, - для науки, искусства, собственнического хозяйства, государственности и национализма, - мы не найдем здесь ни определенных требований и правил, ни какого-либо «идеального» начертания.

В самом деле, что говорится в книгах Нового Завета, например, об изучении мира и о возможности «христианской науки»? Мы знаем, что были мудрые волхвы, пришедшие поклониться Христу (Мф 2:1-12), и был немудрый волхв, Симон, пытавшийся купить благодать за деньги (Деян 8:9-24), и еще другой волхв, Елима, наказанный от ап. Павла слепотой (Деян 13:8-11). Мы знаем, что официальные «ученые» еврейской церкви («книжники») заслужили гнев Христа и грозное осуждение (Мф 23; Лк 11:40-45 и др.); что Апостол Павел был человек начитанный и многоязыкий (2 Кор 11:6; Деян 26:24) и что он советовал «отвращаться лжеименного знания» (1 Тим 6:20). Что же мы можем извлечь из этого применительно к исследовательской науке наших дней? Может ли она быть христианской?

Или, что говорится в книгах Нового Завета об искусстве, а о возможности христианского художества? Мы помним, что сказано о красоте полевых лилий и об источнике этой красоты (их «Бог так одевает», Мф 6:28-30); но мы знаем также, что в Афинах ап. Павел «возмутился духом при виде этого города, полного идолов» (Деян 17:16). Мы знаем, какой раскол и какую борьбу вызвала в Церкви проблема православной иконы (движение иконоборчества 3), и, зная все это, недоумеваем, как же отнести все это к современной живописи, музыке, скульптуре или танцу?

Казалось бы, что есть надежда найти более определенные указания по вопросу о государстве и государственной власти. И что же мы видим? Мы знаем слова Христа, сказанные Им искушавшим его фарисеям: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22:16-21; Мк 12:14-17); но видим, что самое различие между «кесаревым» и «Божием» предоставлено нашему собственному «крайнему разумению». И вслед за тем невольно спрашиваем, следует ли разуметь эти слова так, что все «кесарево» чуждо Божьему и что Божие дело на земле не имеет никакого отношения к государству и политике? Мы знаем, что Христос нигде не осудил «меча», - ни государственного, ни воинского; но предрек, что «все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф 26:52). Мы помним, что Пилату власть дана была «свыше» (Ин 19:11), и знаем, что Апостолы Петр (1 Петра 2:13-17) и Павел призывали повиноваться светской власти «по совести», ибо «нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1-7); но мы видим также, что слова сии толкуются различно и что бывали и есть духовные лица, готовые признать любого захватчика власти - и разбойного, и безбожного, и сатанинского - «посланным» или «назначенным» от Бога. И невольно спрашиваем, каким же мерилom нам руководиться, созидая христианскую культуру в современном государстве?

Что находим мы в Св. Писании о собственности? Мы помним призыв Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле»..., «ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6:19-21), и «не можете служить Богу и маммоне» (Мф 6:24; Лк 16:13). Мы помним слово Его: «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф 19:23-24, Мк 10:23-25, Лк 18:24-25); и другое слово: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мной» (Мф 19:21; Мк 10:21; Лк 18:22), «взяв крест» (Мк 10:21). И в то же время

мы видим, что среди благочестивых учеников Спасителя были и богатые люди: Иосиф Аримафейский (Мф 27:57; Мк 15:43; Лк 23:50; Ин 19:38), Никодим (Ин 3:1-21; 19:39), Капернаумский царедворец (Ин 4:46-54) и Закхей, начальник мытарей (Лк 19:1-10); и что все это относится не к собственности, а к богатству, т.е. многообильной собственности, обременяющей душу заботами. Как же провести здесь грань и установить меру? Мы видим, что Христос не заповедал предаваться заботам, - «что нам есть?» или «что пить?», или «во что одеваться?», но искать «прежде царствия Божия и правды Его», в уверенности, что «это все приложится» нам (Мф 6:19-34 и др.). И, разумея это, спрашиваем невольно, осуждается ли этим всякая хозяйственная «забота» в душе человека, неизбежно предусматривающая «завтрашний день» (Мф 6:34), забота, обнаруживающаяся в каждом посеве, в каждом производственном процессе, в каждом строении, в каждой покупке? И если осуждается, то как возможно «христианское хозяйство»? А если оно невозможно и если всякое хозяйствование оказывается христиански предосудительным, то как же возможна «христианская культура», вырастающая на основе противохристианского хозяйства?

И, наконец: мы знаем, что Христос со скорбью говорил о предвиденной им судьбе иудеев и в особенности Иерусалима (Мф 23; Лк 21), но не дерзаем ни обозначить эту скорбь как «национальное чувство», ни извлечь из нее оправдание или какие-нибудь «правила» для нашего человеческого национализма. И еще мы помним слова ап. Павла: «нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3:28); но эти слова мы с ясным разумением относим к вере, а не к нации: ибо нация столь же мало устраняется этими словами, сколь мало отменяется ими «мужской пол» и «женский». Итак, чем же нам руководствоваться и в этой области при созидании христианской культуры?

Таково великое затруднение современного христианина, ставящего перед собой проблему христианской культуры: он или совсем не находит в тексте Нового Завета прямых указаний и правил для своего руководства, или же находит такие общие указания, которые могут быть различно поняты и истолкованы и которые действительно находили себе различные толкования у отцов Церкви. Изучение этих толкований, выдвигавшихся в истории христианства, представляет для каждого христианина высокий и глубокий интерес, но предполагает значительную научную подготовку и оставляет ищущего или совсем без решения (вопрос о науке и о национализме), или же предоставляет ему продолжать самостоятельно эти великие и мудрые поиски - каждому в меру его личных сил...

ИВАН ИЛЬИН

Белой ночью

Отцвела в овраге медуница.
Снова лето в северном краю.
Белая, как полночь, кобылица
Чешет бок об изгородь мою.
Чешет бок... И наплывает дрёма
На забор, на яблоневый сад.
Два оконца векового дома
Полусонно за реку глядят.
Ночь нежна, и ласково безлюдье.
Ровно треть июня на часах.
Называют белоглазой чудью
Тех, кто знает эти чудеса.
Чудесам тут незачем таиться.
Вот с руки доверчивой моей
Белая, как полночь, кобылица
Слизывает сахар тёплых дней.
Слижет и пойдёт своей дорогой
К тем сердцам, где всё ещё темно...
Хорошо, что Господом так много
Радости для нас припасено!

Алексей Гушан. Россия.

Земля пробудилась от долгого сна.
Явилась предвестница лета, -
О, как хороша ты, младая весна!
Как сердце тобою согрето!

Люблю я простор этих ровных полей,
Люблю эти вешние воды.
Невольно в душе отразилась моей
Краса обновлённой природы.

к Д

Сибирский поэт Георгий Николаевич Кольцов

Г.Н. Кольцов родился в с.Буреть Боханского района Иркутской области (9.04.1945 - 7.03.1985 г.г.). Автор сборников стихов "Корни кедра" 1975 г. Иркутск, "Спасательный круг" 2017 г Москва и "Неизбывная сила родства" 2020 год г. Иркутск. Закончил Литературный институт им.Горького в 1976 году. Трагически погиб в возрасте 39 лет в 1985 году в Кашире Московской обл. там и похоронен. Его стихи были опубликованы не только в России в журналах "Смена", "Звезда", "Советский воин", "Берега", "Дальний Восток", "Сибирь", "Наш Современник", "Подъём", "Молодая гвардия", "Москва", "Крым" и т.д. но и за рубежом - в Америке, Германии, Австралии, Канаде, Англии, Чехии. С 2017 года ежегодный литературный конкурс поэтов и прозаиков ЛИТО "Зодиак" в г.Кашире носит его имя. В 2019 году на доме, где жил поэт установлена мемориальная доска. Книга стихов брата "Неизбывная сила родства" названа региональным отделением СП Иркутской области "Лучшая книга стихов года 2020". За стихотворение "У могилы неизвестного солдата" стал лауреатом конкурса "Золотое перо Руси"!

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

*Его зарыли в шар земной...
Сергей Орлов*

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы - пусты.
И стыннут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, –

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма крошечная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле - по шуршанью колоса,
Сентябрь - по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал –
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

НА ВАГАНЬКОВСКОМ КЛАДБИЩЕ

Прохладно было. Сыро по-осеннему.
И листья в скверах дворничихи жгли.
Мы шли на день рождения к Есенину.
На кладбище Ваганьковское шли.

Шли пионеры, старики и женщины.
Тут, в напряженье каждого держа,
Всеялась в нас чуть грустно и торжественно
Бессмертных строк открытая душа.

Мы круг тесней у памятника сузили –
И, приглушая в голосе металл,
Читала женщина: «Поэтам Грузии»,
А я «Письмо от матери» читал.

О чем-то о своём вдруг всхлипнул пьяница,
А старый клён листвою прошумел,
Что, кто к стихам, хоть грубовато, тянется,
Тот нежность сохранить в себе сумел.

Смеркалось быстро. Каждому, наверное,
Хотелось с ним побыть наедине...
Мы отошли. Открыв бутылку «Вермута»,
Глазами отыскиали в стороне

Неровно листопадом занесенную
Могилку безымянную с крестом
И выпили. Сначала за Есенина
И за Россию"матушку потом.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

Самолёт у трапа замер.
Взгляд скользнул по землякам -
Воспалёнными глазами
Я тебя среди них искал.

Подойду сейчас поближе
И, как в прошлую весну,
Ту слезу, что ветер выжал,
С твоего лица смахну.

Не один, а с младшим братом
В зал, где ты ждала, войду.
Там в полёт зовёт с плаката
Серебром обшивки «ТУ».

Близость встречи или ветер
Подгоняют торопя...
Неужель на этом свете
Больше нет уже тебя?!

Вышло так, что мы с годами
Разлетелись кто куда.
А вернуться опоздали
Не на день. А навсегда.

Как бы падать ни спешило
Под колёса полотно,
Довезти к тебе машина
Не успела всё равно...

В темноте белеет ставень.
Брату что ль в конце пути
Это право предоставить -
В двери первому войти?

Но, ссутулившись угрюмо, -
Отрешённо одинок -
Он о том же самом думал,
На родной взойдя порог.

В нетерпенье - не в испуге -
Он потребовал: «Входи»,
Чтоб скорей увидеть руки
На твоей сухой груди.

Так частенько ты держала
В них, задумавшись, иглу.
А теперь в цветах лежала
Под иконкою в углу.

Настрадавшееся тело
Прикрывала простыня.
А в ногах твоих сидела
Наша близкая родня.

Причитала тётя Клава,
Как старухи в старину:
«Кто тебе, сестра, Дал право
Оставлять меня одну?»

Ни тепла в избе. Ни дыма...
Порвалась надежды нить...
Как теперь я буду мимо
Этих окон проходить?!»

Плач, ознобом пробивая,
Разгулялся по избе...
- Почему она, Живая,
Так печётся о себе?

Но когда не голосила.
Обессилевши, она,
То совсем невыносимой
Становилась тишина.

Тишины такой пугался,
Молча сам себя ругал.
Горло сдавливал не галстук -
Подступивших слёз Аркан.

Зябко вздрагивали плечи,
Хоть я к плачу не привык...
Может, вправду, Мёртвым легче,
Чем оставшимся в живых?

Телеграммы срочной выстрел
Их не ранит, не убьёт...
Мать, прости мне эти мысли.
Здесь мы с Саней. Видишь? Вот!

Поделюсь я новостями,
Что привёз издалека.
Ну а Саня вновь растянёт
Для тебя огонь - меха!

Ты спляши цыганский танец,
Приглуши разлуки боль.
А захочешь, я останусь -
Буду рядышком с тобой.

Ведь тебя мне не заменят
Ни работа, ни жена...
Бьется раненым тайменем
В сетях ночи Тишина.

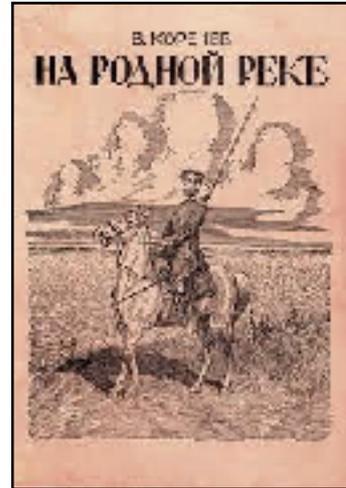
**Биографию и подборку стихов подборку стихов Г.Н. Кольцова
прислал брат поэта - Александр Николаевич Кольцов**

«Память возвращается, как птица...»

В 1971 году в казачьем журнале «Родимый край», который издавался во Франции, появился некролог:

«21 октября 1970 года в Калистоге (США) неожиданно скончался В.С. Коренев, казак Амурского казачьего войска. Любители отечественной литературы знают его как автора недавно вышедшей книги «На родной реке», посвященной великой дальневосточной реке Амуру, на берегах которой, в среде амурского казачества, он родился и вырос. Русская эмиграция знает его по большому числу его очерков и рассказов, помещавшихся в различных зарубежных газетах и журналах. Кончина его является большой потерей для всей зарубежной Руси».

Где-то в 2012 году мне удалось получить из Сан-Франциско эту книгу. В ту пору она была почти неизвестна в России. Сегодня книга Коренева «На родной реке» доступна в электронном виде, в том числе на сайте Дома русского зарубежья им. Солженицына. К личности этого писателя мой интерес не случайный: Василий Симонович Коренев был двоюродным братом моего деда. Я слышала о нем еще в детстве от мамы. Впрочем, совсем немного: в 1920-е годы он ушел в эмиграцию, жил в Харбине, затем перебрался в Австралию, оттуда в США...

«Да послужит мое слабое повествование памятником на утраченные могилы предков, первых пионеров и основоположников благополучия родного края», – писал Коренев в предисловии к своей книге. В числе пионеров Амурского края были и его предки.

Писатель вышел из старинного казачьего рода: по семейному преданию, род Кореневых шел от донских казаков, переселившихся в Сибирь, а затем в Забайкалье. Отсюда забайкальские казаки в середине XIX века начали заселять и осваивать амурскую землю. Летом 1858 года переселенцы из Забайкалья основали в Приамурье, в ста верстах от Благовещенска, еще одну казачью станицу – Поярково. Среди первых поселенцев Поярково был и Тимофей Коренев – дед Василия Симоновича (и мой прапрадед). Он стал родоначальником большой семьи амурских казаков Кореневых.

На Амуре Тимофей Семенович Коренев вырастил четырех сыновей: Филиппа, Симона (отец писателя), Ивана и Тимофея. Были они дружными, работающими, а потому быстро встали на ноги. Братья Кореневы завели свои мельницы, магазины, конный завод, поставляли муку на прииски Забайкалья и Амурской области. В их семье бережно хранились часы, которые подарил Т.Т. Кореневу наследник престола Николай Александрович во время своего проезда по Амуру в 1891 году. Известны Кореневы и как первооткрыватели Райчихинского месторождения угля.

У каждого из четырех сыновей основателя династии было по пять-семь детей, так что к началу 20-го столетия род Кореневых стал разветвленным и многочисленным. Сыновья основателя династии дали своим детям хорошее образование. Среди третьего поколения амурских казаков Кореневых появились специалисты с высшим образованием: врачи, инженеры, юристы.

Василий Симонович родился в 1896 году в Поярково. В 1914 году он окончил Благовещенское реальное училище, в 1917-ом – Московское землемерное училище, затем Оренбургское юнкерское казачье училище. А дальше – уже эмиграция...

Но до этого еще пройдут годы, а пока будущий писатель – просто «Васюха, малый лет десяти и гимназист первого класса» (так говорит он о себе на первых страницах книги «На родной реке»). У него – ясный пытливый ум, чуткая душа, отзывчивая на красоту природы, и неиссякаемая жажда познавать мир: «Идем в «кругосветку» – дальний вояж вокруг нашего острова, что широко и далеко раскинулся против станицы. Ближние острова давно исследованы и нам хорошо знакомы, но там, далеко, в Чуприхе, другой берег острова и другие «страны» – для нас тайна и манят своей неизвестностью».

Книга Коренева необычна. В истории казачьей литературы это редкий пример, когда речь идет не о походах и сражениях, не о громкой казачьей славе, а о том, как тихо и незаметно, среди родных просторов, «растет» детская душа. Вся книга состоит из удивительно светлых рассказов о детстве писателя, а рос он заядлым таежником, знатоком и неутомимым исследователем своего края.

По ее страницам проходят яркие образы людей, что так или иначе оставили след в душе автора. Это старые бывалые казаки и казачки, мальчишки-сверстники и

учителя, степенные мастеровые и искатели приключений, старатели, соседи китайцы... И все же главным героем книги остается Амур с его бесчисленными протоками, островами, своеобразной природой.

Школьные годы будущего писателя прошли в Благовещенске. «Наш город, возможно, кому-нибудь и скучный, но нам дорогой – родина», – писал он. Годы учебы Василий вспоминал с особым теплом. Страницы, посвященные им, полны мягкого юмора и светлой грусти о «невозвратных» днях детства и юности. Учился Коренев сначала в гимназии, потом перешел в реальное училище. В этих стенах окончательно сформировался его интерес к изучению родного края. В школьные годы Василий совершил и свою первую экспедицию на реку Селемджу в Амурской области.

Читая книгу Коренева, я не раз думала: из него бы, наверно, вышел исследователь Приамурья, замечательный писатель-путешественник и натуралист. Это могла быть та ветвь дальневосточной литературы, что так полно воплотилась в творчестве В.К. Арсеньева. Но судьба амурского казака сложилась иначе. События в книге «На родной реке» заканчиваются 1914-ым годом. А точнее, тем днем, когда в Поярково узнали о начале Первой мировой войны и началась мобилизация: «Станица уже вся на ногах. Почти в каждом доме, в каждой семье брат или муж – казак первой или второй очереди, и ему идти в поход. К вечеру стали прибывать с хуторов призывные».

На этих последних страницах книги ее автору – уже 18 лет. Позади остались детство и ранняя юность, впереди лежала жизнь, полная борьбы, лишений, скитаний. В том же 1914 году Василий Коренев уехал учиться в Москву. Но уже близилась иные времена. В 1917 году Василий окончил Московское землемерное училище и сразу был призван на военную службу. Его направили в Оренбургское военное казачье училище.

Здесь его застала Гражданская война. С 1917 года он находился в частях Оренбургского казачьего войска под командованием А.И. Дутова. С 1918 года Василий Коренев – в Благовещенске. Служил он в 1-м Амурском казачьем полку, который возглавлял есаул Н.М. Шалыгин. В своей краткой автобиографии (архив БРЭМ) Василий Симонович писал: «В 1918 году вернулся в войско и с сентября состоял в рядах 1-го Амурского казачьего полка. Первое время (семь месяцев) в чине портупей-юнкера, позже младший офицер полка».

В Амурской области противостояние красных и белых завершилось ранней весной 1920 года, тогда же офицеры Амурского казачьего войска в полном составе ушли в эмиграцию. 6 апреля 1920 года В.С. Коренев прибыл в Харбин. С этого дня началась его эмигрантская жизнь.

В 1920-х годах большая часть Кореневых (10 внуков основателей династии) оказалась в эмиграции. «Семью амурских казаков Кореневых хорошо знали многие харбинцы и жители полосы Китайско-Восточной железной дороги, – писал журнал «Родимый край». – Все они отличались атлетическим сложением, были известными охотниками, имели широкий круг знакомств в мире таежников, как среди русских, так и среди китайцев, пользовались всеобщей любовью за доброжелательство, простоту, готовность всегда помочь».

В целом на территории Китая после окончания Гражданской войны оказалось более 20 тысяч сибирских и дальневосточных казаков. Здесь, на чужбине, они сохраняли свой традиционный уклад жизни и культуру.

В Харбине Василий Коренев, как многие эмигранты, брался за любую работу. С 1922 по 1926 год он работал техником-чертежником в известной тогда фирме Скидельских на изысканиях железных дорог, в 1927 году служил в одной из строительных контор. Наконец, в 1928 году получил постоянную работу и много лет прослужил секретарем в Мулинском углепромышленном товариществе (МУТ). С 1942 года В.С. Коренев был и уполномоченным отдела БРЭМ по группе российских эмигрантов – служащих главной конторы МУТ.

Через его судьбу прошли многие грани жизни казаков в эмиграции. В 1940 году сотника Василия Коренева избрали атаманом Молодой станицы им. Семенова. Активно участвовал он и в жизни своей Амурской станицы, созданной в Харбине. С 1942 года Коренев был помощником атамана этой станицы Н.М. Шалыгина, в полку которого служил еще в Благовещенске. Кроме того, он был казначеем объединения выпускников Оренбургского военного казачьего училища, оказавшихся в харбинской эмиграции.

В 1929 году Василий Коренев женился. Его женой стала Людмила Васильевна (в девичестве – Долгих), которая родилась в Благовещенске в купеческой семье. Уже в эмиграции, в Харбине, она окончила зубоветеринарную школу, работала зубным врачом. Своих детей у Василия и Людмилы не было, в семье росла воспитанница Софья Жук.

В личном деле Василия Коренева (БРЭМ) сохранилась анкета, где на вопрос «По какой специальности хотели бы работать?» он ответил так: «Хочу заняться сельским хозяйством». Мечта почти осуществилась: в 1944 году вместе с двоюродным братом Д.И. Кореневым он переехал из Харбина в Тогенский район, в станицу Ново-Покровка.

«...И я соблазнился природой одного такого прекрасного таежного уголка и в 1944 году, бросив службу на предприятии, где прослужил 18 лет, тоже подался на переселение, – писал Василий Симонович. – Но в 1945 году, с приходом Красной Армии, хлебнул там много горького, но и здесь Бог к нам, казакам, был не без милости. Первыми чинами НКВД, пришедшими к нам, были казаки-кубанцы, а свой своему, как водится, поневоле брат. Но все же никто как Бог спас нас».

В 1953 году Василий Симонович с женой переехали из Харбина в Австралию. Туда же перебрались из Харбина многие его родственники-эмигранты. Его родной брат горный инженер Илья Симонович Коренев служил заведующим угольными копиями на станции Милев. Двоюродные братья Тимофей Филиппович и Иван Филиппович Кореневы жили в Сиднее. Там же жил племянник писателя Борис Николаевич Коренев, который много лет был редактором журнала «Политехник», выходившем в Сиднее. Его жена Ольга Стефановна Коренева-Кулинич была журналистом, поэтом, автором нескольких книг.

Через несколько лет Василий Симонович уехал в США, в Сан-Франциско, где еще с 1940 года жил его родной брат доктор К.С. Коренев. Брат жил и работал врачом в Сан-Франциско, а сам он поселился неподалеку, в небольшом городке Калистога.

Здесь, на исходе жизни, Василий Симонович и писал свою книгу о далекой родной земле, любовь к которой пронес через годы утрат и скитаний. «К вам, дорогие мои читатели, – писал он, – обращаюсь я со своими скромными, но правдивыми рассказами и пытаюсь дать почувствовать, а, может быть, и пережить вместе со мной в этих воспоминаниях то прошлое свободного края, что ушло в вечность».

Книга Коренева – редкий исторический документ. Это единственное художественное произведение о дореволюционной жизни амурских казаков, написанное самим казаком, свидетелем и участником той жизни.

Конечно, река Амур в его книге носит черты «потерянного рая», связанного с утратой родины. Но в творчестве Коренева нет привычных для эмигрантской литературы трагических нот. Мир в его книге чистый, как летний день после дождя. Это был писатель светлого лирического дара, со своим негромким задушевым голосом. И если выразить кратко суть его книги, то лучше всего здесь подходят пронзительные строки Николая Рубцова:

В центре: Василий Симонович Коренев.
Братья - слева: Константин; справа: Илья
(горный инженер). Харбин, 1940-е годы.

Но моя родимая земля
Над мной удерживает власть,
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась.

На исходе жизни писатель вернулся памятью в свое родовое гнездо, в родную станицу, взглянул на них светлым благодарным взглядом и попрощался словами любви. Книга «На родной реке» вышла в 1969 году в Мюнхене, в издательстве «Посев». А на другой год автора не стало...

Отмечая вклад В.С. Коренева в литературу, журнал «Родимый край» писал: «За свою литературную работу он никогда на гонорары не претендовал, а писал исключительно, чтобы увековечить

прекрасное прошлое дореволюционной России и возбудить к нему интерес молодого поколения. Писал он искренне, точно, без высоких слов. Чувствовалось, насколько дороги были его сердцу великие российские воды, леса, просторы и населявшие их сильные духом и телом простые русские люди. На издание книги «На родной реке» он истратил немало личных средств и имел дальнейшие литературные планы, осуществление которых задержалось из-за его работы по основанию прихода Св. Симеона Верхотурского.

Да будет ему легка земля приютившей его Калифорнии!»

Татьяна Гладких (Хабаровск).

Люди

Люди,
В общем,
Мало просят,
Но дают довольно много.
Люди
Многое выносят:
Если надо — ходят в ногу,
Устают, недоедают,
Но уж если взрыв за взрывом, —
Этот ад надоедает
Даже самым терпеливым.
Люди,
В общем,
Мало знают,
Но они прекрасно чувствуют,
Если где-то распинают
И кого-нибудь линчуют.
И тогда творцов насилия
Люди смешивают с пылью,
Сбрасывают их со счёта -
Не по людям их работа!
Люди,
В общем,
Мало верят
В заклинанья, в пентограммы,
А свою мерку меряют
На фунты и килограммы,
И на ярды, и на метры.
Счёт иной еще не начат.
Люди,
В общем,
Незаметны,
Но довольно много значат!

Леонид Мартынов 1958 г.

Ещё мы живы. Но уже - не все...
И с каждым новым днём, поодиночке,
поставив многоточье вместо точки,
уходит кто-то враз и насовсем:
друзья, коллеги, близкие, родня,
соседи по подъезду и по даче -
все те, кто для меня хоть что-то значил -
уходят. В том числе - и от меня.

Ещё мы живы. Но уже - не все...
Очередная вырвана страница.
Становятся их имена и лица
зарубками у Смерти на косе.
Одной виною больше на душе -
могли успеть, но опоздали снова:
ушедшему вслед сказанное слово
не будет им услышано уже.

Ещё мы живы, но уже - не все;
и эта мысль меня слегка тревожит,
что мой последний самолёт, быть может,
уже стоит на взлётной полосе,
и Смерть штурвал сжимает в кулаках,
чтоб, мне не дав возможности проститься,
рвануться ввысь стальной блестящей птицей
и унести меня за облака.

Ещё мы живы. Но уже - не все...
Никто не знает (кроме тех, кто помер),
в какой момент Смерть выкрикнет твой номер
и остановит Жизни карусель.
Нас давит время, превращая в жмых,
мы все стареем... Так давайте ж, люди,
мы без вниманья оставлять не будем
живых! Живых. Пока ещё - живых...

Николай Лисин. Россия. 2019 г.

Круговорот

Рабочий день закончился, и толпы людей, уставших от дневной суеты, выплеснулись из дверей разнообразных фирм и фирмочек. Людская река растеклась по асфальту деловой части города, разделяясь на широкие – к метро и остановкам общественного транспорта – и более узкие потоки. Вокруг мелькали сотни одинаковых равнодушно-безразличных лиц, внезапно появляясь и мгновенно растворяясь в мельтешении часа пик. Нити судеб на мгновение перекрещивались и тут же разъединялись, не оставляя друг на друге и следа.

Метро, как живое существо, флегматично пережёвывало пищу, с механическим кляцаньем турникетов проглатывая очередную порцию людей и проталкивая её по пищеводу эскалатора туда, к поездам, которые уносили свои жертвы вглубь огромного тела этого подземного монстра.

Работая локтями и переругиваясь, перемешивалась людская масса в железном плену вагона, тщетно пытаясь занять удобную позицию. Яркими пятнами возникали и пропадали станции, наполнялись гулом тёмные тоннели перегонов, и в чередовании света и тени было что-то сюрреалистическое.

По мере удаления от центра вагоны пустели – насытившись, метро выплёвывало наружу, на свежий воздух недопереваренных, помятых в сутолоке людей. Но насыщение было временно и поутру всё повторялось снова...

15.07.2012

Александр Смирнов.

Татьяна Ларина - апофеоз русской женщины.

Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоз русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным. Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева. Но манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем даже не узнал Татьяну, когда встретил ее в первый раз, в глуши, в скромном образе чистой, невинной девушки, так оробевшей пред ним с первого разу. Он не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно, может быть, принял ее за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион, это после письма-то ее к Онегину! Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узнал он ее и потом, в Петербурге, в образе знатной дамы, когда, по его же словам, в письме к Татьяне, «постигал душой все ее совершенства». Но это только слова: она прошла в его жизни мимо него, не признанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на нее, — о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! Но этого не случилось, и искатель мировой гармонии, прочтя ей проповедь и поступив все-таки очень честно, отправился с мировой тоской своею и с пролитой в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями:

Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил ее посетившею дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о художественности, недостижимой красоте и глубине этих строф. Вот она в его кабинете, она разглядывает его книги, вещи, предметы, старается угадать по ним душу его, разгадать свою загадку, и «нравственный эмбрион» останавливается наконец в раздумье, со странною улыбочкой, с предчувствием разрешения загадки, и губы ее тихо шепчут:

Уж не пародия ли он?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. В Петербурге, потом, спустя долго, при новой встрече их, она уже совершенно его знает. Кстати, кто сказал, что светская, придворная жизнь тлетворно коснулась ее души и что именно сан светской дамы и новые светские понятия были отчасти причиной отказа ее Онегину? Нет, это не так было. Нет, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она напротив, удручена этой пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдает; она ненавидит свой сан светской дамы, и кто судит о ней иначе, тот совсем не понимает того, что хотел сказать Пушкин. И вот она твердо говорит Онегину:

Но я другому отдана
И буду век ему верна.

Высказала она это именно как русская женщина, в этом ее апофеоз. Она высказала правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака — нет, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за ним, несмотря на то, что сама же сказала ему: «Я вас люблю», потому ли, что она, «как русская женщина» (а не южная или не французская какая-нибудь), не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах

пожертвовать обаянием почестей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но «она другому отдана и будет век ему верна». Кому же, чему же верна, каким это обязанностям? Этому-то старику генералу, которого она не может же любить, потому что любит Онегина, и за которого вышла потому только, что ее «с слезами заклинаний молила мать», а в обиженной, израненной душе ее было тогда лишь отчаянье и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, ее мужу, честному человеку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся. Пусть ее «молила мать», но ведь она, а не кто другая, дала согласие, она ведь, она сама поклялась ему быть честной женой его. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он ее муж, и измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его. А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок? Ей бежать из-за того только, что тут мое счастье? Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье?

Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот, представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо, мало того — пусть даже не столь достойное, смешное даже на иной взгляд существо, а не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика, мужа молодой жены, в любовь которой он верит слепо, хотя сердца ее не знает вовсе, уважает ее, гордится ею, счастлив ею и покоен. И вот только его надо опозорить, обесчестить и замучить и на слезах этого обесчещенного старика возвести ваше здание! Согласитесь ли вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых выстроили это здание, согласились бы сами принять такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливыми? Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокой душой, с ее сердцем, столько пострадавшим? Нет: чистая русская душа решает вот как: «Пусть, пусть я одна лишусь счастья, пусть мое несчастье безмерно сильнее, чем несчастье этого старика, пусть, наконец, никто и никогда, а этот старик тоже, не узнают моей жертвы и не оценят ее, но не хочу быть счастливою, загубившей другого!».

Ф. М. Достоевский. 1880 год.

*В любовной войне побеждает тот,
кто уходит.*

На земле я искал благостыни
и покойных и зрячих дней,
но безбрежны земные пустыни,
не пройти их с душой моей.

Я искал успокоенной ласки
на горах и у гулких морей,
там, где солнце в крылатые краски
окунает верхи кораблей.

Я хотел колоситься любовью,
все отдать и не брать совсем,
чтобы меньше болело болью
на родной, на мятежной земле.

И искал я всегда благостыни
и покойных и зрячих дней.
Но безбрежны земные пустыни,
не пройти их с душой моей.

Павел Далецкий.

Кружились тихие слова
Под звуки старого рояля.
Кружилась с ними голова,
Значенья слов не сознавая.
Стучало сердце невпопад,
Несоразмерно такту вальса.
И, слово под гипнозом, взгляд
От глаз твоих не отрывался.
Кружилось время, всё вокруг
Смешав небрежною рукою.
И жизнь текла за кругом круг
Из текста вырванной строкою.

Валерий Румянцев.

И О С И Ф У Б Р О Д С К О М У

Засвети же свечу на краю темноты.
Я увидеть хочу то, что чувствуешь ты.
(И.Бродский)

Двадцать семь лет назад в далеком Нью-Йорке скончался Нобелевский лауреат и вечный скиталец, переживший на первом году жизни Ленинградскую блокаду, перепробовавший впоследствии все профессии - и судимый за «тунеядство»; изгнанный из Советского Союза, но упорно отказывавшийся от образа политического борца, который ему навязывали в Америке, - поэт Иосиф Бродский.

ЖАЛОБА.

Жизнь моя, на что же ты похожа?
Вещи жмут меня со всех сторон;
Кот живет теперь у нас в прихожей,
Хорошо - не африканский слон!

Стол любимый - в столбиках из меди.
Стал он кладбищем нечищенных монет,
В холодильнике избыток всякой снеди,
И варенье просочилось на паштет.

Выйду в город - всюду небоскребы,
Кажется, сейчас возьмут в полон.
Душно узникам в его стальной утробе,
В проводах гудит их скорбный стон.

Ныне и народы в беспокойстве -
Их не умещает мать-земля.
Запад и Восток в противоборстве -
В схватке лютой не умру ли я?

И тебя спрошу в своем бессилье:
Где сокрыться от миллионов глаз?
Жаль, что не имея птичьих крыльев,
Не могу взлететь на эллинский Парнас.

Есть одно лишь место на планете
И одно убежище души -
Не подумай, друг, - не в интернете -
Там уединенья не ищи.

Это мое собственное сердце -
Край нерукотворной красоты!
Вот она - спасения пещера,
Как в Эдем, сюда со мной войди.

Не закончивший советской школы, он работал в общей сложности в шести американских и британских университетах, преподавая историю литературы и теорию стиха.

Переводил поэтические труды В.Набокова на английский язык, получил международное признание как поэт и литератор, за год до кончины удостоился звания почетного гражданина Санкт-Петербурга.

Извещенный о приглашении вернуться на Родину, он сказал: «Моя лучшая часть уже там - мои стихи...»

В них литератор действительно предвкушал свой приезд, но внезапно вмешалась смерть...

Судьба человека, и к тому же поэта, - это большая тайна.

Некогда принадлежа к «ахматовским сиротам», лично общаясь с умудрённой годами и скорбями поэтессой, он нашел посмертное пристанище именно в Фонтанном доме, в ее музее, одна комната которого выделена для его личных вещей и библиотеки.

Бродский - поэт большого города, где душа зачастую осознает свою неприкаянность...

Уйти от себя не удавалось еще никому из нас. А вот отыскать в себе таинственную страну, открывающую доступ в вечность, - удел немногих.

Поэты ищут эти заветные двери, как и философы. Произведения тех и других, если написаны искренне, представляют собою авторские исповеди, но обрести искомое - под силу лишь сердцу, дышащему живой верой в Победителя

смерти - Господа Иисуса Христа.

Бродский писал о Богомладенце, но самому стать младенцем во Христе ему, увы, не пришлось...

прот. **Артемий Владимиров.**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

«НАС ВДОХНОВЛЯЮТ ИМЕНА ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ»

Нынешний год особенный. Поддержав инициативу министров МИД стран Содружества Независимых Государств, **Международная Академия русской словесности МАРС-Австралия объявила 2023 год Всемирным годом русского языка**. Настоящий конкурс проводится в поддержку этой акции на бесплатной основе среди детей и взрослых всего мира, говорящих и пишущих на русском языке. Кроме поэтов и литераторов, в конкурсе участвуют мастера художественной фотографии, живописи, изобразительного и прикладного искусства, музыкальные и хоровые коллективы и исполнители. Главная задача конкурса – популяризация русского языка, современной русской литературы, русской народной культуры в Австралии и за рубежом, открытие новых имён среди творчески одарённых соотечественников.

По просьбам участников уже прошедших международных проектов Академии впервые в конкурс введена номинация «Фантастика». МАРС-Австралия посвящает её 140-летию со дня рождения Алексея Николаевича Толстого, великого русского и советского писателя, широко знакомого в России и за рубежом, особенно в эмигрантских кругах, благодаря романам «Петр Первый», «Хождение по мукам», «Гиперболоид инженера Гарина» и другим литературным полотнам. Его известнейшему фантастическому роману «Аэлита» о любви девушки-марсианки и инженера-землянина в прошлом году исполнилось сто лет. Как детский писатель Алексей Толстой запомнился своими сказками «Золотой ключик, или приключения Буратино», «Иван да Марья», «Иван-царевич и Алая-Алица» и многими другими. В конкурсную номинацию для детей «Сочинение на заданную тему» включены несколько вопросов о творчестве Алексея Толстого, которые будет интересно исследовать юным участникам в своих сочинениях.

Международный историко-литературный, творческий конкурс получил название **«НАС ВДОХНОВЛЯЮТ ИМЕНА ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ»**. Новый крупномасштабный проект Академии географически охватывает Россию и 102 государства стран Русского Мира, где проживают российские соотечественники, включая Австралию, и посвящен юбилеям двух корифеев русского языка, прославившихся в отечественной истории как авторы государственных гимнов России. Оба – известнейшие поэты своего времени, родились в самодержавной Российской империи. 240 лет исполнилось Василию Андреевичу Жуковскому (1783–1852), автору двух редакций текста государственного гимна Российской империи «Боже, царя храни». В России и за рубежом широко отмечается 110 лет со дня рождения Сергея Владимировича Михалкова (1913-2009), автора трех редакций современного государственного гимна «Славься, Отечество наше свободное!».

Русский писатель, поэт, драматург, публицист, сценарист, баснописец, общественный деятель, военный корреспондент, актёр, лауреат многих премий и кавалер многих правительственных и международных наград С.В. Михалков писал чудесные стихи для детей, он автор многочисленных пьес для детей и взрослых, остроумных басен, создатель Всесоюзного сатирического киножурнала «Фитиль», который пользовался огромной популярностью. С 1970 по 1990 годы С.В. Михалков возглавлял Союз писателей РСФСР.

Конкурс проводится при поддержке Российского Фонда культуры, Ассамблеи народов Евразии, Международного Совета Российских Соотечественников, Союза Писателей России, Фонда «Русский Мир», Союза Деятелей Культуры Армении и других международных общественных организаций.

Состав и Номинации конкурса

1. **Международный историко-литературный конкурс (МИЛК)** проводится среди трёх категорий литераторов (возраст участников 18+):

- пишущих свои исторические, краеведческие, патриотические произведения об известных личностях, о малой родине и Отечестве, напоминающие читателям о важнейших духовных и общечеловеческих, семейных ценностях русского народа;

- пишущих свои художественные и развивающие произведения для детей и юношества;

- авторов-фантастов.

Учреждены три творческие номинации – проза, поэзия и документальный цикл.

2. Международный литературный конкурс для детей и юношества (в возрасте от 4-х до 18 лет), проводится в двух творческих номинациях:

- художественная видео-декламация произведений о Родине, родном крае, любимых животных и т. д., взятых на выбор или из творчества Василия Жуковского, Сергея Михалкова или Алексея Толстого;

- детское литературное творчество (проза, поэзия, документальный цикл, сочинение на

заданную тему, включая произведения в жанре фантастики);

3. Международный творческий конкурс «Прикладное искусство» для детей и взрослых (конкурс рисунков и художественных фотографий, включая произведения в жанре фантастики).

4. Международный творческий конкурс «Лейся песня на родных просторах» проводится для детей и взрослых на лучшее исполнение: сольное или в составе хоровых коллективов и ансамблей народной песни на русском языке.

5. Международный конкурс авторских видеороликов. Возрастная категория 14+.

Принимая участие в Международном историко-литературном и творческом конкурсе «НАС ВДОХНОВЛЯЮТ ИМЕНА ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ», давайте вспомним имена великих российских литераторов, их бессмертные произведения и труды. Давайте будем гордиться сами и передадим нашим детям, будущим поколениям русских людей гордость за свою великую историю и великий русский язык, сплотивший людей разных национальностей! Конкурсные работы принимаются по email: mars.australia@hotmail.com. Справки по телефону или WhatsApp +61 433 750 631. Подробную информацию и Положение о конкурсе Вы найдёте на сайте Международной Академии русской словесности МАРС-Австралия: mars-australia.com

Президиум Международной Академии русской словесности творческих успехов и побед всем участникам конкурса!

Мы все с детства хорошо помним: «Кто не знает дядю Стёпу? Дядя Стёпа всем знаком!» Победителям конкурса будут вручены специальные призы в виде фарфоровой статуэтки «Дядя Степа» и другие подарки от Российского Фонда культуры.

От редакции.

Уважаемые читатели! Год назад в журнале “Жемчужина” № 78 произошло досадное недоразумение: в редакцию - через 3-е лицо - передали рассказ “Анчоус” за подписью автора - “Г. Прогова”. Думается, каждый понимает, что почти ни одна редакция не имеет возможности проверять материал на чистоту авторских прав. И вот, год спустя, в редакцию приходит письмо следующего содержания...

“Добрый день. Меня зовут Татьяна Пахоменко, я писатель, автор 255 рассказов и одного романа. Совершенно случайно программа выдала ссылку на ваш журнал. В частности, Жемчужина №78, стр. 21, где размещен мой рассказ «Анчоус», только почему-то автором указана Г. Прогова. Хочу отметить, что все мои произведения зарегистрированы на писательских порталах, имеют юридические свидетельства о публикации, сертифицированы и депонированы. Уникальность текста и авторство принадлежит мне.

<https://proza.ru/2022/03/14/1556> ← Вот ссылка на рассказ «Анчоус» на портале Союза Российских писателей. Свидетельство о публикации №222031401556 (рассказ «Анчоус»).

К сожалению, бывают случаи воровства раскрученных произведений, но закон об авторских правах есть и он работает. Поэтому прошу Вас принять соответствующие меры и исправить имя автора. Настоящий автор рассказа «Анчоус» - Татьяна Пахоменко.

Что же к этому письму можно добавить? Разве что принести искреннее извинение за невольную ошибку и доставленное огорчение настоящему автору Татьяне Пахоменко, хоть и произошло это НЕ по вине редакции.

А вот 3-их лиц, которые передают понравившийся материал для печати, придётся настойчиво просить - никогда больше этого не делать. Работу для публикации должен присылать сам автор. Исключение составляют только близкие родственники тех авторов, кого уже нет с нами.

Чтобы исправить возникшее недоразумение, публикуем рассказ “Анчоус” ещё раз - за подписью Настоящего Автора - Татьяны Пахоменко. (Т. М.)

“ А Н Ч О У С ”

Бабушка выросла словно из-под земли. Не было - и вот она. Он еле успел нажать на тормоз. Мощный автомобиль, взревев, словно укрощённый хищник, остановился.

Дмитрий Викторович выскочил на улицу. На языке много чего вертелось. Он уже рот открыл, но вдруг замолчал.

- Доброго здоровьичка, внучек. Торопишься куда, поди? - незнакомая бабулька бесхитростно улыбалась.

Глаза будто прозрачные голубые леденцы. Выцветший платочек с цветочками, ситцевое платьице. На ногах - галоши. Поправила натруженными руками седые волосы, ещё раз улыбнулась. Улыбка была совсем детская, даже такие же беззащитно-розовые дёсны, как у младенцев.

Дмитрия Викторовича уважали коллеги и побаивались партнёры. Он был жёсткий, бескомпромиссный, ничего не боялся. Считали, что идёт по головам и чужды ему человеческие эмоции. И будь на месте бабушки кто-то другой, не миновать бы тому человеку всей глубины его гнева.

Но где-то в глубине Дмитрия Викторовича жил мальчик Митя. Обожающий свое детство и бабушку Липу. К ней мальчика на всё лето привозили родители. Он спал в пологе. Просыпался, когда аромат от бабушкиных блинчиков и пирожков разносился по всему дому. Соскакивал и бежал к ней по деревянному, тёплому от солнца полу. Бабушка прижимала его к себе, обнимая руками, ещё в муке, которые вытирала о передник.

На столе стояла кружка с парным молоком. А потом они шли в поле. И облака проносились низко, качались васильки. На горизонте паслась коровка Бусинка. А рядом шёл конь Звездочёт. Вечером бабушка рассказывала сказки. И можно было выйти на крыльцо, послушать звуки ночных гостей, как она их называла. Что-то светилось в траве, кто-то шуршал. И не было никого счастливей Мити в тот момент...

Поездок к бабе Липе он всегда ждал. Его утончённая и модная мама моталась по курортам. Отец, крупный чиновник, пропадал на работе. У мальчика было всё: игрушки, поездки, исполнение любых желаний. А ему хотелось поскорей в деревню к бабушке. И он не мог понять в тот день страшных слов по телефону: бабушка Липа умерла.

Как это? Баба Липа не может умереть! Как без неё будут Бусинка и Звездочёт? Ночные светлячки? Как без неё будет он, Митя?

- Какая выдержка у мальчика! Стоит и даже не плачет! Собранный такой! - удивлялись на похоронах знакомые.

Дима попросился туда, как не отговаривали его отец и мать. Боль изнутри ломала, била, выворачивала. А внешне он стоял твёрдо, даже не плакал. С бабой Липой уходило всё, что было ему так дорого...

С тех пор изменился и его характер.

Прошли годы. И вот ему 35 лет. Он ехал в аэропорт, ждал полёт по делам. Но вдруг вспомнил просьбу своего друга, егеря Сергея. "- Отправь телеграмму, Дим. Это очень важно. Я сам уже не успеваю, в лес надо. Дозвониться до своих не могу. Это тётке моей. Связь у них частенько не ловит. Отправь, прошу. Только не забудь!" - просил Сергей.

Дмитрий Викторович ничего не забывал. Но закрутился с новым контрактом. И... почему-то забыл. Вспомнил уже по дороге...

Глянул на навигатор: населенный пункт с незнакомым названием. Не то город, не то поселок. Он ещё успевает к самолету, время есть. Отправил телеграмму, сел за руль и помчался в аэропорт.

И вот тут-то, как из-под земли и появилась та бабуля...

Она была очень похожа на его бабушку. Или ему так показалось? Все бабушки похожи друг на друга ощущением безграничного счастья и того, от чего щемит в груди и хочется улыбнуться.

- Вы чего же так... Неосмотрительно вышли на дорогу. Я мог задавить вас. Тут нет перехода. А я тороплюсь, да. На самолёт, - вздохнул он.

- Внучек! Помоги мне, пожалуйста! - вцепившись в рукав его пиджака, попросила старушка.

Дмитрий Викторович глянул в сторону машины. Кошелёк был там.

- Сейчас. Сколько денег нужно? - спросил он.

- Денег? Каких денег? Нет, что ты, милый! Этого не надо! Помоги мне Анчоуса найти! - бабуля по-прежнему не отпускала его руку.

- Анчоуса? - вскинул он бровь.

В голове тут же сложилось: пожилая женщина потеряла собаку. Но... у него нет времени её искать.

- Бабушка! Вы покричите его! Прибежит. Или к дому придёт. У вас тут всё рядом, никуда не денется ваш Анчоус!

Дмитрий Викторович посмотрел на часы. Время еще было.

- Матрёна Митрофановна меня зовут. А тебя как? - не отставала старушка.

- Дмитрий Вик... Митя, - глухо произнёс он.

Так давно его никто не называл. Зачем он сейчас вспомнил и назвал свое детское имя? Непонятно.

- Митенька... У меня так мужа звали. Митенька, помоги мне, а? Ножки не держат, так расстроилась. Анчоус-то всё, что у меня осталось! Мужа схоронила давно уже. Дочка с внучкой разбились в то лето... Никого нет теперь. Только он! - бабушка принялась утирать слёзы краешком платка.

Дмитрий Викторович снова взглянул на часы. Если он будет ехать быстро, то в принципе, время еще есть.

- Садитесь в машину. Сейчас объедем улицы! У вас их не так много! Прямо пасторальная идиллия, а не место! Все зелёное, в цветах! - он помог старушке сесть в машину.

Прокатились они быстро по улицам. Только Анчоуса так и не нашли.

- Спрятался, наверное. Матрёна Митрофановна, послушайте, у меня самолёт. Я вообще бы в ваши края не заехал, но вспомнил про телеграмму. Всем что-то срочно нужно здесь. Другу Сергею телеграмму, вам вот Анчоуса найти. Давайте сделаем так. Вы его ищите, продолжайте. А я вам свой телефон напишу, хорошо? Приеду, помогу если что. Не плачьте вы! Хотите, если не отыщете, я вам корги куплю? - предложил Дмитрий Викторович.

- Какие корки? Зачем они мне? У меня свои дома есть! Сушу на печке! - всплеснула руками Матрёна Митрофановна.

- Нет, вы не поняли. Корги - это собачка. Как у английской королевы! Хотите? - усмехнулся молодой мужчина.

- Нет, внучек. Не надо мне корки эти. Какая я королева? Мне бы Анчоуса! Окромя его никто не нужен! - бабушка продолжала доверчиво смотреть на него.

Они на улицу вышли. Раскалённым апельсиновым шаром висело в небе солнце. Пахло скошенной травой и мёдом. Дмитрий Викторович положил визитку бабушке в

карман. И пошёл к автомобилю. Краем глаза заметил, что старушка вначале бросилась за ним, потом остановилась.

Сел за руль. Ему нужно срочно на самолёт. Он опоздает, а там новый контракт и деньги. Он ещё успевает, если будет ехать очень-очень быстро.

Перед тем, как тронуться, посмотрел в сторону бабушки. Она стояла и плакала, опустив голову. Вытирала слёзы краями платочка. Встретилась с ним взглядом через открытое окно.

- Храни тебя Бог, Митенька! Ты и так много времени на меня потерял! Сама поищу! Господь в помощь! - помахала ему рукой старушка.

А он сквозь это лето и солнечные блики вдруг увидел заснеженную зиму. И бабушка Липа махала ему так же рукой, пока не скрылась за снежной пеленой. Больше он её не видел...

Да, у него контракт и деньги на кону. А у неё, у этой старушки - что? Пустой дом без близких? Загадочно исчезнувший Анчоус, в которой сосредоточены вся жизнь и любовь? Не может он уехать. Это будет предательством. По отношению к этой старушке Матрёне Митрофановне. По отношению к своей бабушке Липе...

Дмитрий Викторович вздохнул. Машина плавно тронулась, он её в стороне поставил. Пошёл по направлению к старушке, грустно подумав, что сделка уплыла. И его друзья, и знакомые не поверили бы, если бы увидели, что он творит. Но так надо. Так правильно.

- Ты чего это... Не нужно ехать-то? - старушка снова схватила его с надеждой за рукав.

- Теперь уже не нужно. Ну что, давайте, вашего Анчоуса искать!

- Ты называй меня на «ты», внучек. Можно - бабушка Матрёна. Меня внучка звала «баба Матрёшка». Прости, Митенька, что задержала тебя. Но я не могла иначе! - всхлипнула бабушка.

Дмитрий Викторович, повинувшись порыву, прижал её к себе. Так они и стояли какое-то время. Шикарно одетый молодой мужчина и простая деревенская старушка, незнакомые до сегодняшнего дня.

А потом долго бродили по улицам. И баба Матрёна всё кричала: «Анчо-о-ус!». Домой к себе позвала, мол, он притомился, поди.

Домик был маленький. Внутри бедно, но чисто. Дмитрий Викторович пообещал себе мысленно бабуле помочь...

Вязаная ажурная скатерть на круглом столе. Самовар и верёвочка баранок. Банка с молоком. Разноцветные коврики. На стене - фотографии. Седовласый мужчина с ямочкой на подбородке. Молодая женщина, прижимающая к себе зеленоглазую девочку. Семья, её семья. Рядом иконы.

- Садись, Митенька. Молочка хочешь? Козьего? У меня Морoshка живет. Вот от неё молочко! Пирожки вон тут, под полотенцем. С картошкой, с капусточкой. Кушай, милый. Ты что-то бледный такой мне вначале показался! - погладила его по светлым волосам бабушка Матрёна.

Он улыбнулся. Впервые не дежурно, а от души. Это было то же самое молоко, родом из детства. И пирожки такие же, как у бабы Липы. Он перестал есть выпечку где-либо. С тех пор, как не стало бабушки. Потому что всё казалось пресным и невкусным. Пришло и долгожданное ощущение покоя. Даже спать захотелось. Ему давно не снились сны. И все время было ощущение гнать, бежать куда-то, успевать...

До этого момента Дмитрий Викторович не понимал, как сильно всё-таки устал. И не хватало этих разговоров, тёплых, по душам. Потому что не доверял даже тем, с кем дружил. Отец и мама его, конечно, любили, как и он их. Но того тепла, что было с бабушкой, не доставало. И вот теперь оно возвращалось.

- Баба Матрёна, пойдёмте дальше искать пропажу вашу! - Дмитрий Викторович поднялся.

Странно, но в доме и на крохотной кухоньке он не увидел собачьих мисок. Но решил, что из-за хорошей погоды вышеупомянутый Анчоус мог заниматься перекусами во дворе.

На одной из улиц им повстречалась дородная дама в красном платье с розами. С любопытством зыркнула в их сторону и остановилась:

- Здорово, Митрофановна. Слушай, ко мне тут опять сын приехал, да внучата, как хорошо-то!

Дальше полился поток информации про неведомого сына и внучат. Баба Матрёна кивала. Дмитрий Викторович стоял рядом. Пиджак он оставил в доме. Тёмно-синие

брюки, белая рубашка. Соседка, выдав новости, ещё раз взглянула на него и не удержалась:

- А это... Кто это с тобой, а? Митрофановна?

Баба Матрёна молчала. И чей-то голос, в котором он узнал свой собственный, вдруг произнёс:

- Я внук. Митя. Будем знакомы!

Соседка охала и ахала, даже чуть сумки не уронила. И устремилась куда-то вниз по улице, остановив случайную прохожую и отчаянно жестикуюлируя в их сторону.

Баба Матрёна робко улыбнулась и погладила Дмитрия Викторовича по руке.

Так они и шли. Старушка и бизнесмен. Вдруг из-за поворота выбежал гусь. Он размахивал крыльями, гогоча. Старушка охнула и кинулась к нему навстречу. Птица обнимала бабу Матрёну, норовя положить голову ей на плечо...

- Митенька! Иди сюда! Нашёлся, слава Богу! Митенька, вот он! Анчоус мой! – приговаривала старушка.

Дмитрий Викторович рассмеялся. Нет, этого не может быть! Гусь! А собственно, с чего он решил, что Анчоус – собака?

- Умница он у меня такой! Гусёнком еще так привязался, что верный дружок стал! По пятам ходит. Гуси и людей запоминают, и дорогу без труда найдут. Оттого и перепугалась я, когда он пропал сегодня. Никогда и никуда не уходил! А дом он знаешь, как охраняет! Не хуже собаки! А назвала его так, что он анчоусы любит, неизвестно почему. Все удивляются. Гуси же травку щиплют. А этот вот особенный. Схватит анчоус - и бежать. То ли ест, то ли прячет куда, - радостно делилась впечатлениями бабушка Матрёна.

К дому бабушки Матрёны они втроём шли. Важно ковылял впереди Анчоус.

Свой телефон Дмитрий Викторович в пиджаке оставил.

Взял в руки: 70 пропущенных звонков от мамы. Что-то случилось? Он не успел набрать её номер, как сотовый ожил...

- Кто это? Сынок?! Дима?! Сыночек!!! Где? Как??? Дима, это правда ты, родной?!!! – плакала мать.

Он никогда не замечал у неё таких эмоций и пробовал что-то сказать. Но в ответ слышались лишь рыдания. Наконец раздался какой-то звук и в трубке послышался дрожащий голос отца.

- Дима! Димочка! Сыночек! Как же так? Где ты, сынок? – и отец заплакал тоже.

- Папа! Да что случилось? У вас что-то? С мамой? Папа, не молчи! – крикнул он.

- Самолёт... Самолёт упал, Дима. Тот, на котором ты лететь должен был. Мы думали, ты погиб, мама упала сразу... Как??? Где ты, сынок??? Мы выезжаем. Дима, это же чудо, что ты жив!!! – отец и мать, вырывая друг у друга телефон, говорили одновременно.

Ему внезапно стало трудно дышать. Расстегнул верхние пуговицы. Вышел на крыльцо. На скамеечке перед домом, протягивая ему горсть ягод, сидела бабушка Матрёна. Важно обходил свои владения гусь Анчоус.

- Папа, я у бабушки. Нет, не в бреду я. Не волнуйся! Вы приезжайте с мамой сюда!

Он не плакал с 8 лет, с того дня, как прощался с бабой Липой. Но сейчас солёные капли текли по щекам. А бабушка Матрёна суетилась рядом, вытирая их платочком.

- Пап, со мной всё хорошо. Я вас так люблю! Знаешь, у нас теперь снова есть бабушка! Её Матрёна зовут. Я жду вас с мамой! – продолжил Дмитрий Викторович, вдруг почувствовал себя ребёнком, а не идущим напролом сильным мужчиной.

И склонился перед Анчоусом, который в ответ нежно обнял его двумя крыльями, наклонив голову на плечо. Рядом крестилась бабушка Матрёна...

Татьяна Пахоменко

proza.ru Свидетельство о публикации №222031401556 (рассказ «Анчоус»)

НОСТАЛЬГИЯ

За северным фасадом, взирающим на старый немецкий пруд, в тени нашего дома сугробы ещё сахарные, чуть оплавленные. На самом пруду и его округлых берегах февральские дожди снег растворили: лёд стал мраморным, гладким, с медовыми прожилками заплывших трещин, а на почерневшей земле и над ворохами жухлых прошлогодних листьев распласталась зелёная до изумрудности трава. Никак не могу привыкнуть к этому густозелёному ковру, беззаботно являющемуся из-под стаявшего снега. На моей родине в Приамурье сейчас безысходная зима: земля в глубоких рваных трещинах, стылая до звонкости, донельзя, лихие заверти гоняют, хлещут жёсткую снежную крупку, и сил нет как, отчаяние берёт ждать прихода далёкой весны.

Зато весна на Амуре, начавшись несмелыми проталинками и робкими хрустальными сосульками, – безудержная, бесшабашная. Солнца у нас вволюшку. Притихшие чистые снега истончаются, становятся скандальными мутными ручьями, а те, демонстрируя оптимизм грядущих перемен, миллионами осколков разбитых зеркал разбрасывают по миру резвых и неуловимых солнечных зайчиков. Но и это только начало, ещё прелюдия, чёрно-белое кино, в котором звонкие ерошенные воробьи вместе с солнцем купаются в сверкающих лужах. Следом звучат цветные аккорды весенней картины мира, вот-вот прольются.

На покатых склонах амурских сопок, на невзрачных кустиках с крохотными тёмно-глянцевыми вечнозелёными листиками, чуть набухшие почки приоткрылись яркими клювиками бутончиков рододендрона. Как бабочка, выходящая из тесного кокона, цветок с трепетом расправляет смятые крылышки: неосторожно-длинные, восторженно изогнутые розовые стеклянные ресницы тычинок и пестика в ювелирном обрамлении пяти восково-прозрачных лепестков. Немыслимо передать словами дивные оттенки этих нежнейших, почти воздушных лепестков. Есть в них радость розового утреннего неба, нега малинового заката, печаль фиолетовых сумерек, это – цвет грациозной божественной японской сакуры, только более чудный, девственный, первозданный и отчаянный. До видимых горизонтов и далеко-далеко за ними сопки светятся сплошным малиново-розовым покрывалом, – чарующая цветомузыка заполняет всю весеннюю вселенную.

Кажется, бабочки цветов на кустики только чуть присели: вот-вот встрепенутся и полетят все разом меж стволов тёмных сосен и светлых берёз, над рыжим маньчжурским дубняком, не сбросившим крепкий прошлогодний лист. А потом в потоках холодного, ещё морозного воздуха поднимутся выше, заполнят небо, покружатся и улетят к солнцу, в сказочную страну детства, где все беззаботны и счастливы: и люди, и бабочки, и цветы.

Далее приходит пора амурских подснежников: фиолетовых, синих, тёмно-красных мохнатых колокольчиков. На солнечных косогорах и в тени распадков, в лесах и на берегах – чохом, гурьбой явиться могут всюду, даже на одичалых газонах и в истоптанных городских парках. По-детски застенчивые стоят они на крепких с сизой серебристой опушкой стебельках, поднимая и клоня из растрёпанных розеток-воротничков головки милых сердцу цветов.

Над подснежниками запорхали, кружатся настоящие мотыльки: красно-бурые с голубыми пятнышками в белых с чёрным подзором окружьях. Но благостное отишие нарушает гулкий рокот и гуд. Откуда ж взяться грому без грозы?

С берегов Амура летят раскаты, трещит лёд на великой реке – апогей весенней симфонии, время её следующей – эпической части. Это ещё не ледоход, а его предтеча. В прибрежных домах стёкла тренькают и тонко поскуливают от речных набатов. Вот уже и ветра разбудил Амур: задули, загремели, засвистали, шквалами и дикими сквозняками понеслись вдоль реки. И – охнул лёд, сдался. Сдвинул Амур ледяной панцирь, потащил, скрежеща в берегах. Лопается, ломается лёд, дыбится громадами заторов. Но герою нет преград, и чёрт ему не брат! Звон, грохот, уханье ледохода сливаются в оглушительный гул, как под колоколом.

...Как-то по весне приехали ко мне в Благовещенск приятели из Иркутска, вывел их на набережную – Амур-батюшку показать. Встали мы на самом краю у чёрных литых столбов с провисшими тяжёлыми цепями. А был должно конец апреля – самая вершина ледохода, и грохот стоял такой, что кричать приходилось, чтобы услышали. Неслись по реке огромные льдины, бились, топорились, набережную цепляли, и вдруг одна как исполинский кашалот вынырнула, бросилась к нам, – чудом успели отскочить, – а та зацепила массивные чугунные кнехты ограждения, в ярости вырвала из бетона и, прихватив вместе с коваными цепями, легко утащила в пучину. Мои сибиряки только ахнули, – и у себя дома видели они великие реки, и сам Иркутск стоит на берегу немаленькой Ангары, но такой мятежной силищи ещё не встречали.

...Много дней тянет лёд по Амуре, пока верховья его самых северных притоков не освободятся. И уже плещет, смеётся бликами тёмная вода, разудалые волны режутся в стремнинах, уже в затонах мальчишки купаются-визжат, а по берегам всё ещё лежат и томятся

выброшенные и забытые Амуром могучие речные айсберги: позванивают, шелестят, осыпаясь высокими иглами-кристаллами.

Земля ещё толком не оттаяла, по утрам нередко ледяные глазури, и вечерами зябко тянет холодом, но днём солнце жаркое, жгучее. Наконец-таки распускаются почки деревьев, раскрывают ребячливые листики, вкрадчивыми щепотками пробиваются травинки, радостные одуванчики зацветают, а следом – фарфоровые яблоньки, жемчужные вишенки, мраморно-белые груши, а уже за ними – кипенные черёмухи. А как сорвут, завьюжат горячие ветра черёмуховый снег, то уже лето наступит.

Финал весенней симфонии. Потом польются песни лета. Песни тёплых гроз, лугов, сплошь цветущих золотыми лилиями-саранами, белых придорожных маков на беззащитно-тоненьких ворсистых гнутых ножках...

Эко куда я мыслями улетел. На Амур, за семь тысяч километров. И вовсе не весна сейчас там, размечтался...

А меж тем стал падать снег. опускается густо отвесно огромными, как перья, хлопьями. Уже и другого берега старого пруда не видать. И так тихо-тихо стало, что даже дыхание в груди таится и только слышно, как сердце гулко стучит. И всё стало белёхоньким, а нежные пёрышки всё падают и падают. Внук сказал, что это крылышки добрых эльфов, когда-то давным-давно живших в этих краях.

Февраль 2013,

Александр Герасимов. г. Калининград.

Отчего над землей несутся,
призывая с высоты
белоперые лебеди грусти,
разметав веерами хвосты?

И вчера, и сегодня, и завтра...
Бесконечен просторный полет.
Не могу я: во мне отравой
та же белая птица живёт!

Павел Далецкий

...И было всё на свете хорошо —
но дождик мелкий моросить пошёл
и, крышами железными звеня,
залил весь мир буквально за полдня.

Дождь проступает на окне, как пот.
А за окном спешит продрогший кот.
Он, аккуратно лужи обходя,
крадётся между каплями дождя.

Промокшая от клюва до хвоста,
ворчит ворона под зонтом куста,
и голуби бурчат согласно с ней
на дереве, промокшем до корней.

А тучи в небе — тяжелей свинца,
и нет дождю ни края, ни конца.
Весь мир промок насквозь, хоть выжимай...
Осенний дождь. Весенний месяц май.

Николай Лисин. Россия. 2021 г.

Уходят праздники в Историю,
Оттуда вылезают новые.
Об актуальности их спорим мы,
В пылу до драк дойти готовые.

В архивах множатся открытия,
Вскипают пеной диссертации.
И появляются события,
Пригодные для провокации.

Крутя калейдоскоп Истории,
Узоры нужные фиксируем
И создаём фантасмагорию,
Которой этот мир тестируем.

В мозги вбиваются понятия,
Из них слагаются суждения,
Чтобы под крышей демократии
У всех одно имелось мнение.

Валерий Румянцев.

Колин родник

Узкая, но стремительная речка. Хлипкий мосток, сделанный из двух тонких бревнышек, которые так и ходят под ногами, едва не касаясь поверхности речки, словно стараются скинуть любого в быструю воду, а еще к мостику с одной стороны приделаны шаткие перильца, за которые и взяться-то опасно, а уж держаться за них да перебраться на другую сторону не каждый решится... Но если перебраться на другую сторону и прислушаться, можно услышишь едва слышный перезвон, словно колокольца малые раздаются в тиши - это разговаривает большой родник под раскидистыми ветлами, что разрослись по берегу узкой извилистой речушки, где водились мелкие пескари, окуни с палец величиной да верховка или бакля, как местные называли её. Вот и вся рыба. Но сюда приходили не для того, чтобы рыбу ловить, а просто отдохнуть в тенике возле Колиного родника, да попить чистой водички из него. Его и прозвали так, Колин родник, потому что много лет тому назад наткнулся на него Колька Вершинин, в ту пору еще паренек деревенский. Наткнулся, когда на этой стороне речки пас деревенских овец. Он услышал журчание среди высокой травы. Долго бродил, прислушиваясь, и увидел, как из земли пробивается маленький родник и стекает по камням в речку. Присел Колька Вершинин возле него. Хорошо тут было! Ветла раскинула свои ветви. Почти до земли свисают они. Тенисто тут, прохладно. И звенит родник, заливаётся. И Коля не удержался. Пока овечки отдыхали, он принялся расчищать родник. Широкий его сделал и глубоким. Уж напугался, что загубил его, но увидел, как среди песка снова появилась струйка воды. И постепенно стал наполняться родник. А вечером, когда овец пригнал в деревню, прихватил лопату и опять вернулся к роднику. Еще раз прочистил. А потом грудю камней притащил к нему. Стенки выложил, пока вода не наполнила, край родника обложил. Порожки соорудил к речке и тоже камнями выстелил. И зазвенели колокольца малые в тиши! Зажурчал родник, на все голоса запел. С той самой поры и прозвали родник Колиным. А чуть выше, вдоль склона горы проходила дорога, по которой частенько сновали машины и они останавливались рядом с родником, благо было, где машину оставить да и самим посидеть. И не только водители останавливались, но и простые прохожие, которые шли этой дорогой, сокращая путь между деревнями. В тиши, в прохладе сидели они и отдыхали. Редкий раз говорили, а большей частью молчали, о чем-то задумавшись, или слушали пенье птиц, которых было полным полно. И Колин родник шептал-разговаривал, новости рассказывал и просто радовался каждому путнику, который решил остановиться возле него, чтобы зачерпнуть холодную воду потемневшей кружкой, что всегда стояла на краю родника, потом присесть на траву или валуны, что были неподалеку, неторопливо пить воду, и смотреть на деревню, что когда-то была на другой стороне извилистой речки, где в старые времена жил Коля Вершинин, от которой, можно сказать, осталось одно лишь название. Смотрели и думали...

Проходили годы.

Все реже и реже останавливались путники возле Колиного родника. Все меньше и меньше проезжало машин по старой дороге мимо него, а поэтому и путников становилось меньше. Некуда и незачем им было появляться в этих краях. Ну, а кто всё же бывал и останавливался возле родника, надолго оставались тут. Черпали воду всё из той же потемневшей кружки, неторопливо пили её, прислонившись спиной к раскидистому дереву, и вспоминали деревушку, которая когда-то была на другой стороне речки и Колю Вершинина добрым словом поминали, именем которого и был назван родник. В старые времена бывало, взглянешь на деревню, крыши видны, огороды спускаются к речке. Возле каждого дома палисадники. А там белье парусит во дворе. Где-то гавкнула собака и умолкла. Пекло на улице. Даже собаке лень гавкать. Зато петухи неугомонные. Один взлетел на забор. Недуром заорал, крыльями хлопал, а вслед за ним и остальные заголосили, пытаясь друг друга перещеголять. Наорутся и снова тишина. Вдруг донесся шум машины. И она, подпрыгивая на ухабах, поднимая тучи пыли, проехала по дороге. И еще долго будет висеть пыль над дорогой. Была деревня. Жила деревня. И её не стало. Кого на мазарки снесли, а другие сами разъехались, когда в деревне работы не стало. Они вынуждены были искать хорошую жизнь. Почти все разъехались. А вскоре и остальные ушли. Кто к родне подался, а других на мазарки снесли. И не успели оглянуться, как умерла деревня. Не стало жителей, и дома умирают. Год, другой и третий и захирела она, а еще немного времени прошло, стали проседать крыши, валиться сараи и не успели оглянуться, как не стало её - деревни-то, лишь крапива с репейником заволокли округу, там и сям островки бузины с черемухой, а еще осталось старое кладбище, да Колин родник как бы говорит, что здесь когда-

то жили люди, а сейчас... А сейчас - нет. Остался родник - говорун да старое заросшее кладбище среди берез на взгорке и всё. Тишина над округой. Лишь птицы поют, да ветер гуляет в кронах деревьев. Только редкий рыбак или охотник появляется в этих краях и останавливается возле родника, чтобы немного отдохнуть. Присядет возле него, слушает, о чем бормочет родник, а сам думает. О чем? Да обо всем и о жизни, как прошлой, так и будущей - тоже...

Много лет прошло с той поры, как не стало Коли Вершинина, а память о нем живет. И деревни не стало. Люди поразъезжались в поисках лучшей жизни, но память живет. И принято было, кто приезжал или забредал в эти места, все останавливались возле родника. Всем хотелось посидеть в тиши, в прохладе, послушать колокольца малые и посмотреть на деревню, что было, что стало...

И раньше, когда деревня стояла, Коля Вершинин свою невесту сюда привел. Перебрались через узкий мостик и долго сидели возле родника - говоруна. С той поры, начиная с весны и до поздней осени, вечерами пропадали возле него. Следом за ними остальные ребята с девчонками стали собираться возле родника. Гуляли вдоль речки, а то просто сидели. Одни разговаривали, а другие молчали. Молчали, смотрели на речку и думали. О чем? Да обо всем, и будущей жизни - тоже. Но, к сожалению, будущего не было ни у деревни, ни у молодежи. Одни уезжали учиться и обещали вернуться, но оставались в городе, где жизнь другой казалась, более легкой что ли... А другие женились. Детишки появились, строились планы на будущее, но пришло время, когда вся жизнь с ног на голову перевернулась, и пришлось жителям деревни бросать родные дома и уезжать в дали дальние. Ладно, у кого-то родня в райцентре была или в ближайших городах, туда уехали, а другие подались на край земли в поисках счастья, так сказать. Жители разъехались. Прошли годы и деревня умерла.

А Колин родник остался. И радовался каждому путнику, кто присаживался возле него и зачерпывал ледяную воду, а родник журчал, рассказывая о прошлой жизни, о людях, кто здесь бывал, а когда путник уходил, он как бы затихал. И ждал, когда еще кто-нибудь забредет в эти места, чтобы немного отдохнуть возле родника, и тогда он запоет, зажурчит, зазвенят колокольца малые, радуясь случайной встрече...

Но все равно, даже у Колиного родника были праздники. На праздник Победы и на Троицу отовсюду приезжали люди. Собирались возле родника, как бывало в старые времена. Кто один добирался, а другие семьями ехали. Тут же под ветлами останавливались. Правда, с каждым годом приезжающих становилось всё меньше и меньше, и поэтому радовались каждому человеку, кто смог приехать к Колиному роднику. И каждый первым делом зачерпывал из него холодную воду. Неторопливо пили. Наслаждались вкусной водой. А потом принимались наводить порядок. Одни оставались возле родника, чтобы его почистить, а нужно, камнем обложить, вон какой красивый и прочный с собой привезли - глаз радуется, а другие тянулись в сторону деревенского кладбища, которое заросло крапивой да репейником. И это всё нужно убрать, а потом еще могилки поправить, земли подсыпать, которую брали тут же на склоне холма, а еще посадить цветы, покрасить оградки и памятники, а где нужно, подправить кресты. Работа всегда находилась. И чуть ли не весь день проводили здесь же, помогая друг другу, а потом, когда всю работу переделывали, каждый садился рядышком с родными могилками и еще долго потихонечку разговаривали, словно опасались нарушить кладбищенский покой, а другие вовсе молчали, о чем-то задумавшись.

Ближе к вечеру, люди возвращались к Колиному роднику. Неторопливо спускались по пологому склону, а разговоры так и оставались тихими, у всех светлые лица и какие-то спокойные. Видно было, радовались они, что удалось посидеть возле родных могил, поговорить с усопшими, а сейчас шагали к Колиному роднику, чтобы там посидеть и помянуть всех, кого уже с ними нет, а заодно пообщаться с теми, кто приехал в родные края. Кто был на машинах, доставали из багажников одеяла и покрывала, расстилали на траве, приготавливая общий стол. Расставляли нехитрую снедь, которую захватили с собой, а некоторые успевали приготовить на костре постную или куриную лапшу и разливали ее всем желающим. Разливали водку. Детям газировку или компот. И поднимали стаканы и кружки. У кого какая была с собой посуда, в ту и наливали. Поминали тех, кто ушел в мир иной, запивали водой из родника, а он радовался такому вниманию. И даже казалось, будто журчал-звенел куда громче обычного и говорил, говорил, будто старался успеть рассказать всё, что произошло за этот год. И журчал-бормотал, и звенели колокольца малые...

- Ну, все в сборе? - поднялся грузный седой мужчина в расстегнутой рубашке, держа в руке стакан, внимательно и неторопливо оглядел приезжих, которые расположились между ветлами, а потом вздохнул. - Вижу, редеют наши ряды. С каждым годом всё меньше и меньше людей приезжают сюда.

- А что ты хочешь, Назар Василич? - откуда-то с краю донесся голос. - Одни не смогли приехать в такую даль, уж здоровья не осталось, других снесли на мазарки, а некоторые забрались в такую даль, что еще не скоро появятся в родных местах. Поразбросало жителей деревни по всему свету, а соберутся ли - не знаю... Годы не идут, а пролетают с такой скоростью, что не успеешь оглянуться, а возле Колиного родника никого не останется. Ну, мы, ну, еще дети наши будут приезжать, а для внуков и правнуков - этот родник, как и наша деревня, будет казаться пустым местом, как сказка. И вряд ли они поедут сюда, чтобы взглянуть на несуществующую деревню, о которой столько доброго и хорошего слышали, но душой и сердцем не прикипели, как мы, к примеру. И не нужно винить их, и не наша вина в этом. У внуков другая жизнь, про которую они вспоминают, а мы живем прошлым и в прошлом...

- Правду говоришь, Матвей, живем прошлым и в прошлом, - задумавшись, сказал Назар Василич. - Вольно или невольно, но каждый день вспоминается родная деревня. А уж если начнем разговоры вести про нее, всех переберем, всех вспомним. Ведь наша жизнь тут прошла, родители жили, деды и прадеды наши, а сейчас - никого... Словно с дерева сорвало листву и по всему свету раскидало, как нас, к примеру. И получается, что мы живем прошлым и в прошлом. И сюда приезжаем, чтобы не только за могилками родными поухаживать, но вместе собраться, чтобы возле Колиного родника посидеть, поговорить по душам. А поговорю, и оказывается, словно в прошлое вернулся, где были живы родители, деды и бабки, а главное - деревня жива, а теперь её нет. Куда бы ни уехал человек, а душой, где-то глубоко внутри, он связан с родным местом, словно пуповиной сросся. А может и правда, что сросся...

Он сказал, замолчал, обвел взглядом притихшие компании, сидевшие возле родника, а потом поднял стакан, молча выпил и уселся в траву, опустив голову.

Молчали и другие. Каждый сидел и думал о своем. Отовсюду разноголосье птиц, в траве кузнечики вовсю стрекочут, а рядом журчит-бормочет Колин родник. Он радуется, что снова возле него собрался народ, умыли его, почистили, каждый подходит и наклоняется над ним, словно поклоны кладут, набирают воду и тут же пьют её - соскучились за год-то. И родник радуется этому, радуется каждому, кто приехал, кто сидит здесь, а некоторые останутся с ночевкой, и тогда до утра будут гореть костры и до рассвета не смолкнут разговоры. О чем будут говорить? Да обо всем, о деревне и людях, о детях и внуках и, склоняясь над ним, будут поминать добрым словом его, Колю Вершинина, чьим именем называли родник, который столько лет собирает всех вместе, и журчит-рассказывает о жизни, что здесь кипела, а сколько еще будет говорить - этого никто не знает и он, Колин родник - тоже...

- Если задуматься, у нас осталась лишь наше прошлое, родные могилки, которые нельзя забывать, и Колин родник, - неожиданно вскинулся Назар Василич, обвел рукой оком, будто он был хозяином этих мест, а может, и считал себя хозяином, но бывшим, одним из тех, кто здесь собирался каждый год и еще будут собираться, пока живы они и память людская. - Да, вот вспомнил Колин родник... В деревне слухи быстро разносятся. Сразу окрестили родник Колиным, когда узнали, что Колька Вершинин наткнулся на родничок и столько времени потратил, чтобы он стал таким, - и Назар Василич ткнул пальцем в журчащий родник. - С той поры прозвали его - Колин родник. Мальчонкой был, когда наткнулся. Многие бы мимо прошли, или того хуже, затоптали бы родничок, а Колька ему новую жизнь дал. Сами знаете, с какой любовью он ухаживал за ним, как оберегал его, сколько времени проводил возле родника. И, глядя на него, другие стали сюда приходить. И гуляли здесь, и разговаривали. И, чего греха таить, тут же целовались и здесь же про свадьбы и будущее говорили. Всё было, потому что - это была наша жизнь. А Коля жизнь прожил и тут же, возле своего родника отдал Богу душу. Здесь нашли его, когда за водой пришли. Не захочешь, а поверишь в мистику. Когда Колю нашли, родник стал высыхать. Ушла вода. Все уж думали, что высох родник, а нет, после сороковин, кто-то из гостей сюда спустился и видит, снова тоненькая струйка воды поднимается со дна. Забил ключ, словно колокольца малые зазвенели. И с каждым днем всё сильнее и сильнее. Словно Колина душа сюда переселилась. А может и правда, что переселилась. Он всю жизнь отдал этому роднику. Каждый день бегал к нему, чуть ли не ворковал над ним. Каждый камушек, что здесь лежит, Коля своими руками укладывал, душу свою вкладывал. Наверное, так и получилось, что душа его в родник переселилась. А вы не замечали, когда сюда приходим, родник, словно радуется встрече? Звенит и звенит, журчит, будто о чем-то рассказывает и так громко, что диву даешься, - Назар Василич обвел взглядом всех, кто сидел под ветлами. - Это Коля Вершинин встречает. И радуется нам, что не забываем его, навещаем. И сейчас он с нами. Журчит, словно разговаривает, а может, о чем-то рассказывает... - Назар Василич пожал плечами, помолчал, а потом снова заговорил. - Уж сколько лет

прошло с той поры, как Колю Вершинина снесли на мазарки, а родник живет, встречает и провожает каждого, кто сюда приходит. И будет жить, пока к нему люди идут. И для каждого он найдет глоток воды. Столько лет, а он живет...

- Правду говоришь, Назар Василич, - кто-то перебил его. - Голосуешь на дороге. Машина остановится. Спрашивают, куда ехать? Скажешь, в Макаркино - шофер не знает, а назови Колин родник и сразу понятно, куда нужно ехать. Вот что с человеком память делает. Человека давно уж нет, а память о нем живет. Видать, правда, Колина душа родником стала. И журчит он сейчас, разговаривает с нами. Одни поймут его, а другие нет. Но мы знаем, что Коля Вершинин останется с нами, пока живет родник...

Сказал и замолчал, склонил голову к плечу, словно прислушивался, о чем журчит-говорит Колин родник.

И другие молчали, прислушиваясь к роднику.

- Да-а, - протянул кто-то из сидевших, - что память с нами делает-то... Вроде все разные и память у каждого напоминает о своем, только ему одному известное и сокровенное, а в то же время, все мы помним и будем помнить нашу деревню, наши поля и луга, да всё, что связано с маленькой, но нашей родиной.

И он обвел рукой оком.

И снова все замолчали. Задумались. Видать, каждый заглянул в свою душу и попытался найти самое дорогое для него, что он хранил многие годы внутри себя, скрывая от других, но в то же время, бережно хранил эти воспоминания, чтобы в какой-то момент, к примеру, как сейчас, достать это самое сокровенное, но не для того, чтобы показать присутствующим, а только для себя, что грело его долгие годы и будет еще греть до последнего часа его...

Стайка воробьев неподалеку опустилась возле них и громко чирикавая, что-то принялись искать в траве, редкий раз взлетая и отнимая друг у дружки.

Кто-то поднялся. Подошел к Колиному роднику. Наклонился, взял кружку, стоящую на краю, зачерпнул холодную воду, меленькими глоточками выпил, зажмурился, потряс головой - у, вкуснотища-то какая! Опять поклон, словно поблагодарил за воду и неторопливо вернулся на место.

- Мужики, ну-ка, разлейте всем, - сказал Назар Василич, немного подождет, наблюдая за всеми, потом сам потянулся за бутылкой, налил и поднял стакан. - Ну, други мои, поднимем стаканы и выпьем. Выпьем за то, чтобы память о нашей деревне жила как можно дольше. Ведь вся жизнь наших предков была связана с ней. Мы родились и выросли. Здесь же с девчонками гуляли, - он обвел рукой, словно хотел показать и люди непроизвольно стали поворачиваться вслед за его рукой, словно его жест приоткрывал дверцу в прошлое и каждый увидел то, что ему больше всего бы хотелось увидеть. - Выпьем, друзья, и пусть память живет вечно! - так, немного с пафосом сказал Василич, опрокинул стакан, захряхтел, мотая головой, взял протянутую кружку с родниковой водой, отпил и шумно выдохнул. - Эх, хороша водица! А сладкая - страсть! Сколько лет сюда ходим, приезжаем, а родник живет. Спасибо тебе, Коля!

И он склонил голову, повернувшись к роднику.

Там и сям возникали разговоры. Кто-то засмеялся, а там взвизгнула женщина и огрела ложкой по лбу своего мужа. Ребятишки носились между деревьями, всё норовили через хлипкий мосток перебежать, но взрослые цыкали и они, оглядываясь, снова мчались играть. Раздалась протяжная песня. Женщина, накинув платок на плечи, прислонившись к дереву, чистым и ровным голосом запела «Рябинушку», а вслед за ней и другие женщины стали подтягивать. Разговоры стихли. Лишь песня все громче и громче разносилась над округой. А потом еще одну запели и еще... А все сидели, слушали, а сами о чем-то думали. О чем? Да обо всем и о жизни - тоже...

- Вот была деревня, и ее не стало, - едва затихла песня, сказал Назар Василич. - Вроде жизнь по накатанной колее шла, впереди маячило светлое будущее и не нужно было думать о завтрашнем дне, потому что за нас все уже обдумали и постановили, всю нашу жизнь распланировали на многие годы вперед, а тут в одно мгновение, можно сказать, всё рухнуло и покатилося под откос. Вся страна покатилося и мы вслед за нею, а может еще и впереди нее неслись. Никто не знал, что произойдет такое. И мы не думали, а оказалось, нас выбросили на обочину жизни и живи как хочешь. Хочешь лучше жить, карабкайся, пробивайся, ну, а если наплевать, тогда окажешься на самом дне. Вспомните, сколько спорили, сколько раз к председателю обращались, а он только руками разводил. Да, его можно было понять. Он всего лишь маленький винтик в огромном механизме. Вылетел и никто его не заметил, как не заметили нашу деревню, которая стала умирать, а таких деревень и сёл по всей стране - несметное количество. И если поставить на месте каждой исчезнувшей деревни, как наша, по огромному кресту, вся страна покроется этими крестами. А возле каждого из них собираются вот

такие же люди, как мы с вами и вспоминают свои исчезнувшие деревни, - он помолчал, осматривая сидевших, потом снова заговорил. - Сидят и пытаются сохранить память о родных местах. Где-то больше народу приехало, а в других местах поменьше, но не нужно винить их, что не приехали, потому что не каждый сможет добраться в такую даль, не каждому здоровье поможет сюда приехать. Но знаю точно, что любой из них, кого сейчас нет с нами, каждый день думает и вспоминает нашу деревню, а вместе с ней и нас - тоже. Вот и получается, пока мы будем жить и помнить, будет жива наша деревня, как и многие исчезнувшие с лица земли.

И он замолчал.

Молчали и другие.

Лишь Колин родник журчал. Вот луч солнца коснулся воды и заиграл он, замелькали солнечные зайчики в его струях, балуясь с песчинками, а может радовались, что возле Колиного родника снова собрался народ. Сидят и вспоминают деревню, которой уж давным-давно нет, зато осталась память о ней и Колин родник, который журчит день и ночь, веет прохладой от него и радуется путник, случайно забредший в эти края. И остановится, чтобы немного отдохнуть возле Колиного родника. Будет сидеть и слушать, как звенит родник. Каждый поймет его, и внимательно будет слушать, как родник журчит - рассказывает о деревне, которой давно уж нет, но она живет в памяти людской. О людях, которым пришлось уехать в дальние края в поисках лучшей жизни. Но они не забывают и каждый год приезжают сюда, чтобы посидеть, поговорить обо всем, о сегодняшнем дне, о будущем, и прошлое вспомнить, лучшие и самые дорогие моменты которого человек хранит в своей душе. И почти каждую ночь они приходят к нему в сновиденьях, и человек возвращается в прошлое. Пройдет по деревне, которой нет, но она осталась в памяти и поэтому жива, увидит знакомых, остановится и поговорит с ними, побывает в родном доме и встретится с родителями и близкими людьми, а потом переберется по хлипкому мостку через речку, чтобы немного посидеть возле родника, а затем поднимется и уйдет. Уйдет для того, чтобы на следующую ночь снова встретиться со своим прошлым и опять побывать в деревне и знакомой тропкой спуститься к ветлам, что нависли над речкой, присесть рядом с ними и радоваться, слушая светлую чистую душу Колиного родника...

Михаил Смирнов. Башкорстан.

*Хочешь, чтобы тебя
оценили, - умри.*

Мое село

Средь природы чуткой,
Бедам всем назло,
На равнине русской
Выросло село.

Возвело радушно
Веры храм святой,
Наполняя душу
Светлою мечтой.

Жило-поживало
Праведным трудом.
Корни вглубь пускало –
С думой о простом.

Всласть гуляла свадьбы,
В дом несло тепло,
Молодым – отраду,
Старикам – поклон.

Поднимало деток,
Радовалось дню,
Уважало сметку,
Холила семью.

По грибы ходило
В добрый лес густой,
Напрягало жилы
На лугах косьюбой.

Сеяло, пахало
И растило скот,
Не страшась нисколько
Тягот и забот.

На реке ловило
Окуня и щук
И – спешило к милым
Слушать сердца стук...

Владимир Лебедев.

ВСЯ ПРАВДА О КОЛОБКЕ

Белым и пушистым он никогда не был вовсе. Круглым и румяным – да, этого у него не отнять. Каким же образом старики наскребли его по сусекам? Подробности остались неизвестны, но сметану и масло точно использовали при его создании.

Достигнув определённого возраста, а именно нескольких дней – уже довольно значительного срока годности для таких хлебо-булочных изделий, за который иные из них успевали зачерстветь и покрыться плесенью, Колобок решительно выпрыгнул из окна и покатился по наклонной дорожке. Высота крохотного одноэтажного домишки и отсутствие у него пригодных для перелома конечностей сделали такой отчаянный поступок вполне безопасным. Главное – он больше не хотел служить утехой для бабки с дедом. Сухая бабуля давно лишилась приятных округлостей фигуры, ностальгически воплощённых теперь ею в Колобке. Отчасти подобное мыслилось ею последней попыткой заманить потерявшего к ней интерес одряхлевшего деда в давно позабытые ими прежние игры. Да не на того напала!

Дорожка та оказалась накатанной, несомненно, её использовали прежде часто и много раз. Это могло доказать правильность избранного Колобком направления, если бы не такое же продолжение за домом стариков в другую сторону. То есть бифуркация выбора его походила на бросание монетки, которой у него не было в помине, и возможность верного решения не превышала пятидесяти процентов. Бабка с Дедом бессовестно ему ввали, что он-де у них первый-единственный, любимый и неповторимый. Эти утверждения лишь помогали им утаивать своё истинное намерение съесть симпатягукругляша. Он узнал о том случайно из подслушанного разговора и понял, что испекшие его самодельные кулинары вовсе ему не милые родители, даже не друзья, а скорее тщательно скрывавшие свои помыслы престарелые извращенцы. Мальчонка-то он получил хоть куда: пухленькие щёчки и гладкая, почти масляная головушка без волос.

Словом, нисколько не сомневаясь в совершаемом поступке, вычеркнул он их разом из своей жизни после того, как избегнул уготованной ими для него незавидной участи.

Надо сказать, уже с первых дней жизни в Колобке проклюнулись бардовские способности. Очень он жалел, что у бабки с дедкой не имелось ни гуслей, ни балалайки, на которых он смог бы выучиться... Отсутствие струнных и ударных инструментов не помешало ему ещё до побега успешно испробовать деревянные ложки, задававшие чёткий ритм. А теперь свобода и лёгкая наклонная дорожка вдохновили его на немедленное сочинительство. В его круглой голове разом родилась весёлая песенка, точнее речитатив. Сам того не подозревая, он оказался сейчас неожиданно для самого себя зачинателем Колобкового рэпа. Начальные строчки отразили недавние глубокие чувства, только что приобретённый первый жизненный опыт:

– Я по коробу скребён, на окошке остужён; я от дедушки ушёл, я от бабушки ушёл!
– Задорно выкрикивал он, безостановочно катясь под уклон.

Впрочем, дальше этих слов дело пока не пошло, не было у него ещё достаточного запаса впечатлений, собственных неповторимых переживаний. Он катился снова и снова, повторяя казавшиеся ему восхитительно ладными строчки, в которых смогла вместиться вся его короткая жизнь.

Дорожка оказалась не только покатой, но и довольно изогнутой, она коварно привела его прямоком к наглому типу по кличке Зайчик-Побегайчик. Этот, с позволения сказать, Заяц самым бессовестным и наглым образом загораживал общественный проход. При том, хотя не выглядел слишком великим, но заметно превосходил размером самого Колобка. Миновать его с ходу никак не удалось.

Отзывавшееся ещё на кличку «Серые Уши» существо не придумало ничего более умного, как ляпнуть прямо в лоб притормозившему прохожему:

– Колобок, Колобок, я тебя съем!

Стараясь не проявить внешне своего замешательства, Колобок нарочито презрительно посмотрел на явно спятившее с голоду и без того неумное травоядное. Впрочем, никакого страха перед ним он не испытывал. Однако, чтобы усыпить бдительность докучливого наглеца, незамедлительно громко пропел свой авторский рэп с только что рождённым весьма обидным для зайца продолжением:

– Я от бабушки ушёл! Я от дедушки ушёл! От тебя, Ушастый, не мудрено уйти!

После чего внезапно сделал обманный финт, обогнул развесившего действительно длинные уши Побегайчика и стремглав, пока тот не опомнился, покатился дальше.

Ошеломлённый натиском шустрого кругляша заяц даже не сделал попытки преследовать.

Ещё целый ряд причин не позволил обладателю непропорциональных ушей преследовать аппетитного по виду незнакомца. Более серьёзная из них в виде грозы для всего заячьего народца - Волка - без сомнения поджидала в той стороне, куда направился круглый путешественник, в месте, где дорожка становилась почти чисто условной. И это Серые Уши всегда прекрасно помнили.

Тот лохматый житель чащи был известен среди Лесной братвы под кличкой Серый. Из чего могло создаться ложное представление, что такой цвет считался модным у местного народа, на самом же деле Волк выглядел гораздо более серым, чем Заяц, а остальные здешние предпочитали для себя вовсе другой окрас. Вопреки слухам, раздуваемым всяческой мелкотой, он не представлял собой беспредельщика и садиста и не испытывал ни малейшего удовольствия от мучений поедаемых при случае жертв. Всего-то лишь несчастный подневольный слуга собственного ненасытного желудка, обыкновенный лесной хищник. Но в эту пору долгое отсутствие пропитания совершенно помутило ему рассудок и превратило в настоящего монстра. Хотя лишённый мясной начинки Колобок явно выглядел не в его вкусе, он сразу решил взять добычу на испуг:

– Колобок, Колобок, я тебя съем! – и этот вслед за зайцем ничего более умного не придумал.

Колобок резко оборвал мало эстетичный для него голодный стон или утробное завывание незнакомца категоричным предупреждением:

– Не ешь меня, серый зверь! Лучше я тебе песенку спою!

И пока сбитый с толку волк пребывал в состоянии неожиданного ступора, поскольку никогда ещё не нарывался в лесу на самодеятельных круглых артистов, Колобок выдал залпом свой бодрый оптимистичный рэп:

– Я от бабушки ушёл! Я от дедушки ушёл! Я от Зайца ушёл! И от тебя, волчара, не мудрено уйти!..

Последние слова он выкрикнул, уже сквозанув мимо поражённого такой наглостью слушателя, и быстро покатился дальше по едва заметной тропе.

Вскоре он наткнулся на грозу здешних мест, давно прозванным в народе Прокурором. Стоит ли говорить, что бурый массивный увалень встретил его той же шаблонной, не им придуманной фразой. Колобок заподозрил даже, будто все тутошние обитатели страдают врождённым слабоумием, и кто-то ему не известный использует этот общий дефект, зомбирует их в своих корыстных целях.

И на этот раз своим нахрапистым речитативом наш странник усыпил бдительность зачарованного мохнатого громилы, изготовившегося на долгое слушание, чтобы прошмыгнуть у него между лап, прежде, чем тот успел прийти в себя.

По мере того, как дорожка превращалась в исчезающую тропинку, а лес вокруг становился всё гуще и дремучее, в нём зародилось сомнение в правильности изначально выбранного пути. Но в силу природного отсутствия умения признавать свои ошибки возвращаться назад он не собирался. Тем более, там остались малоприятные для него медведь волк и заяц, одурачить которых дважды может и не удастся. Да и не факт, что избери он сразу противоположное теперешнему направление, там не поджидало бы ещё больше желающих им закусить.

Исход последней встречи придал ещё большей уверенности в себе и без того самонадеянному Колобку, он бездумно продолжал свой отрыв от действительности, пока не налетел на новое препятствие. Теперь путь ему заступила неопасная с виду рыжая плутовка, далеко известная за пределами Леса своей хитростью и коварством. Но, разумеется, у Колобка не было до сих пор возможности ознакомиться с анкетой Лисы. К тому же, на свой звериный лад внешне она выглядела очень даже мило и симпатично. Невольно наш герой проникся неожиданным доверием: уж такая она показала пушистая и ласковая.

Да и завела незнакомка разговор совершенно не похожим на прямолинейных предшественников тоном, что несколько обескуражило круглого путника, не перестававшего на ходу подбирать новые строчки для своей припевки.

А молвила она вкрадчиво своим приятным неискренним голоском так:

– Куда бежишь, малыш Колобочек? Скажи-ка мне, мой дружочек, милый свет.

Никто никогда к нему так ещё не обращался – столь обходительно и проникновенно. И потому он с большой охотой снова отбарабанил свой заученный и дополненный после расставания с медведем текст, и, не видя угрозы, пока не торопился продолжить прерванный путь. Убаюканный медитативным напевом медвяного голоска хитрой бестии, он ошибочно вообразил, что на этот раз находится в полной безопасности, а перед ним весьма интересная и совершенно безвредная зверушка женского полу.

Дальше для него последовало непредвиденное. Лукаво сославшись на нелады со слухом, Патрикеевна мило предложила взобраться прямо на её хитрую мордочку и повторить свой рэп с самого начала. Просьба выглядела настолько естественно и убедительно, что польщённый Колобок не смог отказать благодарной слушательнице. Ещё бы! Ведь она, в самом деле, захотела вживую услышать поближе столь на редкость талантливого сочинителя. Учитывая все обстоятельства, это нисколько не показалось странным наивному, ещё не имеющему достаточного жизненного опыта круглому простаку. Да и томные слова её, как и вся она сама, показались настолько сексуальными вконец размягшему Колобку, что отказать ей оказалось никак не возможно.

Едва он успел повторить свою речёвку, запинаясь на этот раз от близости обаятельной чертовки, как та опять обратилась со смутившей его новой просьбой:

– Я почти ничего не расслышала, дружок, повтори-ка ещё разок, только присядь ко мне уже на язычок...

Его и без того круглая голова окончательно пошла кругом, теперь он и вовсе не нашёл сил отказать, а зря. Излишняя вежливость и недостаток полезного для таких случаев хамства окончательно решили его судьбу. Ну, а дальнейшее всем и так прекрасно известно с детства.

СЕРГЕЙ КРИВОРОТОВ

Женщинам-лингвисткам

Прошло каких-то тридцать лет –
И все внезапно вдруг прозрели.
И снова рвутся дать совет
Всё те же самые Емели.

Политологии спецы,
Меняя взгляды как салфетки,
Грохочут словно бубенцы,
Усеявшие теле-ветки.
Теснятся громкие слова,
Рождают новую реальность.
И оседают в головах,
Тесня сознание в зазеркальность.

Меняя смысл привычных слов,
Плодятся глупости подвиды.
Глубокомыслие ослов –
Беда, серьезнее ковида.

В. Румянцев.

Душой и сердцем педагоги,
Любимым языкам верны,
Творите этот мир, как Боги,
Неся романтику весны.

Что годы? Вы юны и милы,
Нас вдохновляя вновь и вновь.
Мужчине вы даете силы,
А человечеству – любовь.

В безверья час и в час сомнений
Храните вы души тепло,
Чувств половодье с упоением
Даря – ненастьям всем назло.

Звучит всегда пусть звуков Муза,
Изящных слов бежит строка
Во имя чудного союза
Весны, мечты и языка.

Владимир Лебедев

Старый мост

Обрастает травой старый каменный мост,
Сквозь асфальт пробивается ива
Молодая. В компании тонких берез,
Лебеды и колючей крапивы.

Через мост мы спешили когда-то гурьбой
К роднику -- в благодатное место,
А сегодня меня мост зовёт за собой
В беззаботное, доброе детство.

Овчинникова Марина.

Временный дар

- Замечательно, грандиозно! - выкрикивал главный редактор журнала «Стиховой», размахивая руками в попытке придать словам больший эффект. - Вы не представляете насколько талантливы!

Молодого человека - виновника переполоха в редакции, звали Тургенев Егор. Он не являлся родственником Ивана Сергеевича - всемирно известного классика, просто от предков досталась фамилия. Егор начал писать стихи недавно - после аварии на загородном шоссе. Областная пресса о данном инциденте много писала. В общих чертах дело происходило так - Егор ехал на старенькой «Волге» с работы, не справился с управлением и врезался в бензоколонку, ударился от столкновения о лобовое стекло и потерял сознание, когда очнулся - заправка полыхала, огонь вырывался из шлангов с горючим, поедая его любимую «Волгу». Слава Богу девушка-кассир с заправщиком успели оттащить Егора, находящегося в бессознательном состоянии, в берёзовую посадку, что находилась метрах в ста от заправочной станции. Вот, собственно, и вся история.

Скорая помощь доставила пострадавшего в городскую больницу, где медсестра провела первичный осмотр и направила на МРТ головного мозга. Томограф выявил черепно-мозговую травму закрытого типа лёгкой степени тяжести. Врач объяснил, что беспокоиться не стоит, прописал постельный режим и препараты для улучшения мозговых процессов. На работе проблем не возникло, начальник без лишних вопросов подписал больничный лист и выдал наличными небольшой аванс на лечение. Егор чувствовал себя нормально, правда немного подташнивало, но, после стакана апельсинового сока неприятные ощущения прошли. Он включил телевизор, посмотрел последние сводки из страны-побратима, переключил на канал, где идёт передача о потусторонних отношениях живых людей со всевозможными загробными сущностями и заснул.

Проснулся ранним утром от того, что солнечный луч, пробивающийся в щелочку между плотными атласными занавесками, интенсивно выжигал закрытый левый глаз, он повернул голову прямо и уставился в потолок, левый глаз плохо видел из-за настывшего и несвоевременного луча. Заснуть больше не получилось. Пришлось встать.

После выпитой чашки гранулированного кофе с сахаром по телу разлилась бодрость, сознание полностью отделалось от сонного притеснения, хотя доктор запретил употреблять спиртные и тонизирующие напитки, но его это не волновало, он чувствовал себя хорошо, а доктора насоветуют как всегда лишнего. Посмотрев в дверной проём из кухни в спальню, он заметил на журнальном столике кипу бумаг. «Что бы это могло быть? Интересно!» На белых листах его почерком был написан какой-то текст - это были стихи. Конечно он не являлся ценителем поэзии и тем более знатоком уровня «филолог», скорее был человеком интересующимся, изредка заходившим на литературные сайты почитать поэтические изыскания современных поэтов, также не пропускал возможности просмотреть в социальных сетях в новостной ленте попадавшие ироничные произведения по большей части о политике и несносной людской доле. Присев на край кровати Егор принялся читать. Четыре мелко исписанных листа повергли в шок, стихи были великолепные, завораживающие и проникающие в самые глубины души...

В прохладном помещении редакции журнала «Стиховой» прекратился шум рукоплеканий, главный редактор присел в уютное кресло, не отводя восхищённого взгляда от Егора. Прошло три года, как он впервые опубликовал творения талантливого молодого человека, его стихи, по мнению главного редактора и не только, являлись кладом метафор с отточенным до умопомрачения слогом и сильной рифмой! Потрясённые читатели отправляли по электронной почте положительные отзывы, кто-то из читателей по старинке отсылал бумажные письма со словами благодарности в адрес молодого литератора. Тираж журнала увеличился в пять раз! Да, гении рождаются не часто. Главный редактор гордился собой, потому что он первый заполучил это сокровище!

Егор не понимал, что с ним случилось, но позже выяснил - из-за аварии мозг начал работать иначе. Он установил дома видеокамеру и перед сном включал её на запись, утром пересматривал видео, на котором отчётливо видно, как он подходит к журнальному столику, достаёт с полки листы бумаги, берёт ручку и довольно долго пишет. Но, почему-то, абсолютно никаких воспоминаний о ночных похождениях не оставалось. В принципе, это не важно, только сейчас он превратился из незаметного менеджера среднего звена в настоящую персону, одарённую и пользующуюся спросом. Его приглашали на выставки известных художников почитать стихи (за хороший гоно-

рар), он принимал участие в съёмках на крупных федеральных каналах и ему предстояло заключить выгодный контракт с популярным и высокооплачиваемым музыкантом-исполнителем на написание песен...

Однажды, проснувшись утром, Егор включил видеокамеру - посмотреть на «ночные прогулки», но на записи никаких «прогулок» не было, лишь он, тихо и мирно спящий на кровати. «Прогулки» прекратились совсем. Неоднократные попытки написать хотя бы строчку, выжать из себя небольшое произведение не приносили нужных результатов, голова не хотела думать, мозг сопротивлялся непомерным нагрузкам...

Лечащий врач подтвердил выздоровление - кровоснабжение мозга пришло в норму, небольшие последствия после аварии полностью исчезли. Егору пришлось вернуться на старое рабочее место менеджером, контракт с исполнителем был давно разорван, правда без каких-либо последствий, на выставки и литературные конференции его больше не звали, так как поэтический дар безвозвратно исчез.

Анатолий Арестов

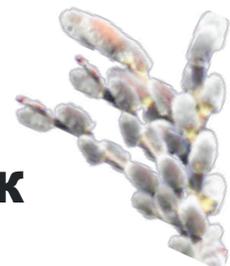

Родившийся ослом не умрёт лошадю.

СМИРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказ.

Смотритель при храме – должность, в общем-то, женская. Дел и делишек всяких – уйма! Надо подсвечники после службы протереть, воду для крещенской купели нагреть и принести, за порядком в храме следить. Хоть за чистотой, хоть за лихими людишками, норовящими что-нибудь спереть.

Времена менялись...

Храм наш стоял возле городского рынка и, бывало, подвергался набегам разных чудаков. Один прямо на середине вытряхнул полный ящик румяных яблок, видать, для пущей своей торговли. Другой чудачина бутылки с пивом по деревянному полу с грохотом кататься запустил, не иначе от алкоголизма надеясь отшатнуться. Третий – произносящего на солее ектению диакона по плечу хлопнул и пьяно поинтересовался: «А в ухо хошь?!». Но диакон был не робкого десятка и с достоинством ответил: «Отдачей не замучаешься?».

Бузотера незамедлительно и ловко «упаковал» наш новый смотритель Ваня, вытащил проветриться на улицу...

Ваня, крепкий мужичок за пятьдесят, прибил к храму на радость прочим бабушкам-смотрительницам, поселился бобылем в сторожке. Обходительный и вежливый с коллегами он не чурался всякой работенки – только седая его голова то тут, то там в храме мелькала. Лихоимцам с улицы надежный заслон был поставлен. Одного Ваня даже поймал с поличным – вывернул из-под полы сворованную икону. Огрел «экспроприатора» несильно по загривку и вытолкнул восвояси.

Допытывались у Вани – чей он да откуда? Только молчал упорно в ответ смотритель, лишь хмыкал в лохматые свои усы.

– Вот смиренный какой человек... – шамкали старушонки.

Тайна разрешилась в День Победы.

Ваня пришел на службу в парадной офицерской форме с орденами и медалями на груди. Прихожане взирали на сие «явление» с раскрытыми ртами, кто-то из старушонок робко поинтересовался:

– Где ты, Ваня, успел повоевать? Вроде еще и не старый...

Ваня, как всегда, немногословен:

– В Афгане. Дворец Амина брал.

После праздника Ваня вдруг пропал, никто из наших прихожан не повстречал его больше. Уехал, видно, куда-то. Туда, где его не знают.

свящ. Николай ТОЛСТИКОВ

Из цикла ПРИХОДИНКИ

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.
Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Часть десятая

Продолжение...

IV

- Господи, благослови! - проговорила мать. Принимая лекарство, Машенька взглянула мельком на Ивана Даниловича, Иван Данилович вздрогнул и чуть-чуть не выронил из рук рюмки: так этот взор, налитый электричеством, встряхнул его, несмотря на то, что стекло не проводник живой силы. Машенька опустила головку и, казалось, снова забылась.

- Пожалуйста, чтоб никто не беспокоил ее, - сказал Иван Данилович.

- Ступайте, ступайте отсюда, - сказала мать Машеньки шепотом, махнув рукою на баб. - Скажите, батюшка Иван Данилович, - продолжала она, выходя в другую комнату, - что ж это за болезнь такая у Маши?

- Расстройство нервическое, - отвечал Иван Данилович.

- Что ж это за расстройство такое, Иван Данилович? Желудок, что ли, расстроен?

- Нет, нервы, вообще.

- Нервы... Иван Абрамович, поди-ко сюда... я уж понимаю: это, стало быть, вся внутренность? Ах ты, Господи! Да отчего же это?

- Может быть, какой-нибудь испуг, - сказал Иван Данилович.

- Испуг? Да какой же? Она, кажется, ничего не испугалась; да и чего же ей пугаться-то...

- Ах, матушка Анна Федоровна, а наемни-то, как вот они изволили проходить по улице, - отозвалась няня, которая не утерпела, чтоб не прислушаться, что говорит доктор барыне насчет Машеньки.

- Ах, да, в самом деле, именно, вдруг что-то ей тогда померещилось, что ли...

- С самого того вот времени, как вы, батюшка, проходили мимо нашего дому-то, - продолжала няня, - она так и обомлела.

«Я проходил? - подумал Иван Данилович в недоумении. - Когда это я проходил? И не заметил...»

И он глубоко вздохнул от сладостного ощущения.

- Так обомлела, - продолжала няня, - что я на руках ее донесла до постельки! Говорю: родное ты мое дитяtko, что с тобою?

- Ну, ну, ну, ступай уж, - крикнула Анна Федоровна, - сама я сумею рассказать как следует. Ты поди сядь подле Маши, да не отходи, и прибеги сказать, как очнется.

Няня неохотно повиновалась приказанию барыни: ей хотелось послушать, что скажет доктор. Она присела подле постели Машеньки и начала что-то бормотать про себя. Машенька глубоко вздохнула и открыла глаза.

- Ах, сударыня, а мы думали, что ты соснула.

- Няня, - проговорила Машенька, - какой это офицер здесь был?

- Это, сударыня, вишь, доктор.

- Доктор? Какой же это доктор: это офицер со шпагой.

- При шпаге, при шпаге; у полковых-то, верно, такой обычай: кому-нибудь из них надо править и докторскую должность...

- Ах, как страшно, нянюшка! Он меня шпагой-то не убьет?

Христос с тобой! Вот еще придумала! Ты посмотрела бы, что за добрейший человек, да какой ласковый, тихой; я не знаю, для чего он и шпагу-то носит - разве что вот против французов, чтоб не напали... Ах, да, ведь барыня велела мне доложить, как ты проснешься, сударыня; доктор-то хочет посмотреть на тебя.

- Ах, нет, нет, няня! Не говори! - вскрикнула Машенька обычным своим звонким голосом.

- Боже мой, что с ней! - вскрикнула Анна Федоровна и побежала к дочери.

Иван Данилович бросился вслед за ней, вообразив, что с больной сделался припадок. Но когда он вошел в двери, Машенька лежала уже спокойно, закрыв глазки.

- И не думала кричать, сударыня, - шептала няня на вопрос Анны Федоровны, отчего вскрикнула Машенька, - и не думала.

- Ох, врешь!

- Ей-ей! Она спросила только про доктора.

Анна Федоровна присела подле постели и знаком просила садиться и Ивана Даниловича.

Он сел против нее; ему хотелось бы, не сводя глаз, смотреть на больную, наблюдать, как она вдыхает обыкновенный душный воздух комнаты, а выдыхает из себя как будто благовония счастливой Аравии; но странно, что-то мешает ему взглянуть на нее. Иван Данилович не мог отдать себе отчета, что мешает ему смотреть на больную; но, наконец, понял. «Зачем она тут сидит, мешает только мне!» - подумал он.

Иван Данилович уселся и сидит, молчит, забыл о своей обязанности посетить полковницу и двух больных офицеров, забыл о квартире, о денщике, у него в голове одно: «Хоть бы на одну минуту вышла она!»

Анна Федоровна совсем другое думает: «Какой попечительный человек!» Но ей ужасно как хотелось поговорить с Иваном Даниловичем, как с новым человеком, о разных разностях, а как с доктором о некоторых своих недугах.

- Она, кажется, уснула, - прошептала она, - не оставить ли ее? Пойдемте в залу.

- Ах, нет, - отвечал Иван Данилович тихо, - я посижу тут; вы извольте идти, может быть вам нужно по хозяйству...

- Нисколько, - сказала Анна Федоровна - я уж всем с утра распорядилась.

Иван Данилович глубоко вздохнул.

- Приготовить бы свеженькой водицы, - сказал он.

- Есть; вот только сейчас принесли.

Иван Данилович еще тяжелее вздохнул.

- Да, позвольте, - сказал он, - это какая вода - сырая?

- Как сырая?

- То есть, не отварная?

- Нет.

- Так, пожалуйста, прикажите отварной принести из самовара.

- Сейчас, сейчас велю вскипятить.

Анна Федоровна вышла приказывать, а Иван Данилович с трепетным сердцем устремил было пытательный взор на больную, но Машенька вдруг взглянула.

Иван Данилович вздрогнул, смутился, схватил сткляночку с лекарством, начал отсчитывать в пустую рюмку капли; но нет возможности: одна, две, три... и вдруг как плюхнет. «Ах, Господи! Кажется, тут будет десять!» - думает он; впился глазами в горлышко пузырька, чтоб отсчитать еще пять капель. Но перед глазами как будто залетали мухи, руки дрожат, капли как будто исчезли из пузырька, перелились в него самого и каплют с лица. «Господи! - думает он, - зачем я прописал капли!...» И Иван Данилович опять с усилием смотрит на горлышко пузырька, но руки ослабели от напряжения, опустились.

- Вода, вода, - шепнула под ухо ему Анна Федоровна. Он вздрогнул.

- Нет, уж позвольте, - сказал он, - я пойду принесу пилюльки...

И он, забыв свою шляпу, бросился почти бегом домой. К счастью, у калитки навстречу ему Филат.

- Ах, барин, это вы! - крикнул Филат, которого он сбил было с ног, - полковница прислала, пожалуйста! А шляпа-то, сударь?

- Ах! - проговорил Иван Данилович, схватившись за голову, - я и забыл.

Заботливый Филат вбежал в дом и добыл барскую шляпу.

Иван Данилович стоял у ворот и думал, в каком виде прописать лекарство вместо капель.

«Пилюли? - думал он, - нет! Избави Боже, остановится еще в горле... Порошочки? Горькой, неприятный вкус. Микстурку? Еще хуже: неравно поднимет рвоту...

Взяв шляпу из рук Филата, Иван Данилович ни с места, продолжает думать, какое бы лекарство прописать больной, чтоб оно было ей приятно. Лучше всего в виде прохладительного питья...

- Что ж вы, сударь, к полковнице-то?

- Ох, уж эта мне... надоела! - крикнул Иван Данилович. - Не хочу, ну, не пойду, черт с ней!

- Да как же это можно, Иван Данилович! - сказал Филат, - ведь это невозможно, сударь: полковница требует вас к себе, а вы не пойдете.

- Причуды только одни! Брось больных для нее, да беги! Да я не хочу, ну, не хочу, вот и все! - продолжал Иван Данилович, идя задумавшись к себе на квартиру.

- Да ведь что ж, Иван Данилович, хоть бы и причуда, вам-то что за дело! - продолжал Филат, - в службе-то, говорят, не рассуждай. Если полковница требует лекарства, что вам жаль, что ли, его? Да хоть всю полковую аптеку выпей, эка беда! Да куда ж вы идете? Извольте идти к полковнице.

А! - произнес Иван Данилович с сердцем, махнув рукой, и пошел на квартиру полкового командира.

Полковница в самом деле была неисповедима в своих причудливых болезнях. Кроме настоящей тягости, у нее поминутно проявлялись какие-то побочные тягости: то тягость в голове, то под ложечкой, то тягость в руках и в ногах, то тягость во всей; то какие-то тягостные мысли мучили ее, словом, она тяготилась всем; то «Как это несносно, поминутно в глазах офицеры!», то «Как это скучно, никто не хочет прийти! Своих офицеров надо звать! Никакой преданности!», то «К чему это все навтыяжку!», то вдруг «Какая вольность, садится без приглашения!...»

Полковник был славный человек, но жена его сбила с толку, и он стал как маятник: то добр, ласков и внимателен, то угрюм, привязчив и груб.

По наружности полковница была премиленькое существо, воплощенная доброта и приятность, как говорится: невозможно не любить такого ангела! Но, хорош конь, конь, каких мало бывает, да с норовом: прямо, ровным шагом идет, славно идет; но чуть вожжой направо, а он налево; чуть нукнешь» а он на дыбы или стал Архимедовым рычагом, с места не сдвинешь. Такова была и полковница: против собственного побуждения и желания она не умела ходить; ни обстоятельства, ни приличие, ни дружба, ни любовь, ни необходимость - ничто не смей ей понукать, тотчас на дыбы, а потом в слезы и в постелью.

И вот бегут за Иваном Даниловичем. Бывало, Иван Данилович бежит сам, а теперь Филат насилу его уговорил.

Приходит. Видит: лежит полковница почти без чувств, бледная, страдающая, тяжело дышит.

- Что такое-с? - спрашивает он у полковника.

- А кто ее знает, - отвечает полковник, пожимая плечами.

Иван Данилович шупает пульс - пульс так и колотит. Но вот вылетел глубочайший вздох, вот открыла глаза.

- Что вы чувствуете? - спрашивает Иван Данилович.

Страдающая молчит, тяжело дышит, прикладывает руку к голове.

- Вы чувствуете боль в голове?

- Да! - отвечает она наконец.

- Под ложечкой у вас не болит?

- Болит, - произносит полковница слабым голосом, и вдруг слезы, всхлипывание.

«Хм!» - подумал с досадой Иван Данилович, торопливо выходя в другую комнату писать рецепт.

- Что? - спросил полковник.

- Ничего; это маленький нервный припадок, спазмы. Я пропишу капельки.

- Да помилуйте, все ничего, - крикнул полковник. - Это ничего всякой день повторяется! Нервное расстройство - да ведь это болезнь?

- Конечно-с,

- Ну, так что ж тут ваши капельки? Вы мне лечите ее фундаментально!

Иван Данилович знал полковника; рассуждать с ним в минуты сердца нельзя, все равно что на огонь лить масло. Капельки не нравились полковнику, капельки пустяки, сказал. И Иван Данилович прописал порошки.

- Вот-с, через час по порошку.

- Да это меня не касается, - сказал полковник, - вы как знаете, так и давайте.

«Ах ты, Господи! - подумал Иван Данилович, - сиди тут как привязанный».

- Вот-с, легонькие порошочки, - сказал он, подходя к страдающей, - когда принесут, сделайте одолжение принимайте через час; а я сейчас возвращусь.

- Куда вы? Нет, нет, нет...

- Мне нужно навестить одну опасно больную.

- Нет, нет! Сядьте, покуда я приду в себя. Здесь нет человека, который бы позаботился обо мне. Все думают только о самих себе да о своем спокойствии. Я хоть умирай!

- Не расстраивайте себя такими мыслями, - начал увещевать Иван Данилович.

- Не расстраивайте! Поневоле расстроишься! Никто не хочет принять участия!

- Помилуйте, возможное ли это дело... как не принимать участия!

- Ах, не говорите, пожалуйста! Женщина несчастное создание! На ее долю только страдания да болезни, и больше ничего! Мужчина свободен, мужчина что хочет делает, никому не дает отчету, живет да наслаждается жизнью. А женщина - я, например - что я такое? Прикованная невольница. Поят, кормят, и будь довольна, считай это счастьем!

- Помилуйте, зачем же так думать.

- А как же, по-вашему, думать?

- У мужчины свои обязанности; служба, ответственность.

- Служба! Ах, какая трудная вещь!

- Помилуйте-с, - начал было Иван Данилович.

- Да нет, полноте, не противоречьте мне! Я не могу переносить пустых противоречий! Ах, Господи, какая боль! За лекарством целый день проходят! И приказать некому, чтоб прибавили шагу. Только учебный шаг и в голове.

Иван Данилович закусил язык и молчал. И от нетерпения скорее отделаться от полковницы думал: «Господи, что не несут так долго лекарство!»

Но вот принесли. Он схватил порошок, всыпал в рюмку воды, размешал.

- Не угодно ли выкушать?

- Ах, терпеть не могу лекарства! - проговорила полковница, приподнимая голову. - Фу, какая гадость! Я этого не могу принимать. Нет, нет, нет! Подите вы прочь с этим... тошно! Дайте скорей воды! Никакого нет участия к человеку...

«Вот, поди лечи фундаментально!» - говорил сам себе Иван Данилович, стоя подле полковницы и не зная, что делать. - Так позвольте, я принесу капельки, - проговорил он, наконец.

- Те горькие-то?

- Нет-с, я пропишу сладенькие, вроде сиропцу.

- Сладкое лекарство, фу! Слушать, так тошно.

- Так какое-нибудь наружное средство...

- Катаплазмы? Нет, пожалуйста, избавьте от них!

- Нет, просто можно... припарки, согреть полотенце.

- Ну, хорошо.

«Слава Тебе Господи!» - подумал Иван Данилович. Он думал этим отделаться. Но припарки то горячи, то холодны; вот и сиди, слушай докучную сказку, да пригоняй теплоту. Терпение Ивана Даниловича лопнуло. «Ой-ой-ой! - подумал он, - попадет такая жена! Избави Бог! Не женюсь!» И с этой мыслью вдруг исчезла в нем сила тяжести, и ему стало легко. Невидимая нить, которою тянуло его к больной Машеньке, как будто порвалась, он вздыхал, зевал, но по обычаю терпеливо уже сидел как сестра милосердия у причудливой полковницы. Поздно уже его отпустили. Утомленный, он отправился домой. Только что он в двери:

- Иван Данилович, - сказал ему Филат, - от Волиных раз десять присылали, я все говорил, что полковница при смерти больна, так вам нельзя; так и барышня-то, говорит человек, умирает.

- Нет, спасибо! Эти мне умиранья вот здесь сидят. И Иван Данилович показал на затылок.

- Ну, как изволите, в самом деле не растянуться: от полковницы-то вы всегда приходите словно в мыле. Жаль только эту барышню-то; говорят, что такая ангельская душа... да что ж делать: на то воля Божья. Умрет так умрет.

- Постой, - сказал Иван Данилович Филату, который уже насилу стянул с него один, точно смоченный водою рукав мундира, - постой... я пойду.

- Да вы хоть бы отдохнули сперва.

- Нет, пойду.

- Эге, вот он стучит опять.

- Скажи, что я сейчас приду.

И Иван Данилович натянул снова рукав, схватил шляпу и бросился в двери.

- Батюшка, сударь, помилуйте, - начал было умоляющим голосом присланный человек.

- Иду, иду, любезный!

Через несколько минут Иван Данилович утирал уже лицо платком, входя в покой, где лежала Машенька.

- Иван Данилович! - прошептала мать, встретив его, - умерла было без вас!

Иван Данилович подошел к больной, взял ее за руку, и все жилки забились в нем, когда она вздохнула, очнулась и взглянула на него.

- Что вы чувствуете? - спросил он.

- Ах... теперь ничего, - произнесла тихим чудным голосом Машенька.

- Не противно ли вам лекарство, я пропишу другое? - сказал Иван Данилович, напуганный неугодой вкусу полковницы.

- Ах нет, оно такое приятное, - отвечала Машенька, не сводя томного взора с Ивана Даниловича, - как приму, так и лучше мне...

У Ивана Даниловича забилося сердце: в Машеньке встретил он первого пациента, которому угодил вкусом лекарства. Приятно ли в самом деле медику видеть, как морщатся да еще и плюют на подносимую чашу здоровья. В словах: лекарство приятно, по душе - заключалось торжество Ивана Даниловича, его профессии и всей науки.

- Ангел! - произнес он невольно про себя; но известно, что при напряжении нервов чувства ужасно чутки: Машенька слышала, что он сказал, взглянув на нее с умилением сердца...

И вот Иван Данилович почти не отходит от ложа Машеньки. Ей все лучше и лучше; ей только дурно тогда, когда долго задерживает его у себя полковница.

- Ах, как вас долго не было, - говорит она ему, - я было без вас умерла.

В самом деле болезнь Машеньки была особенного рода: редкому медику случается понимать ее. Каждый стал бы пичкать лекарством; но Иван Данилович понял, что болезнь ее есть именно та болезнь, которую из пассивной должно обращать в хроническую, и постоянно, неумолимо, неотлагаемо наблюдать за нею.

Эта болезнь по глазам виднее всего. Иван Данилович и не сводил своих глаз с глаз Машенькиных. Ей как будто самой хотелось, чтобы он проник по глазам в глубину ее души и понял, чем она страдает. Взаимное строгое молчание и взаимная неподвижность были бы непрерывны, если б никто не мешал своим присутствием, участием и беседою некстати. Иногда только и Иван Данилович и Машенька глубоким вздохом переводили дух.

Право сидеть в этом положении по целым дням казалось Ивану Даниловичу таким правом, которого ни одна профессия, кроме профессии мужа, не может доставить. Он благословлял уже медицину, что она доставила душе его блаженство постигать болезнь Машеньки.

Вдруг приказ: "Такой-то полк выступить немедленно в поход". Это просто ужас в подобных обстоятельствах. Иван Данилович пришел как убитый, ни слова не говорит.

Машенька, взглянув на него, затрепетала.

- Что с вами, Иван Данилович? - спросила мать ее.

- Полк идет в поход. Завтра выступать, - проговорил он.

Машенька вскрикнула и обмерла.

- Машенька! - вскричала и мать, бросаясь к ней.

- Марья Ивановна! - проговорил и Иван Данилович. - О, Господи! Скорей... Кто тут есть? Ах, она умирает!

И он схватил ее руку, стал на колени, и голова его, как срубленная, упала на руку Машеньки.

Вошел отец:

- Что такое?

Вбежала няня, всплеснула руками и онемела.

- Машенька! - вскрикнула снова мать.

- Что такое, душа моя? Что с ней? - проговорил отец.

- Матушка, голубушка ты моя! - завопила няня, бросаясь на постелью к ногам Машеньки.

Но вот она стала приходить в себя.

- Спирту! Воды! - проговорил осиплым голосом Иван Данилович. - Выпейте, Марья Ивановна.

- Не хочу! Я умру! - проговорила измолкшим голосом больная.

- Иван Данилович, помогите! - вскричала мать, схватив его за руки.

- Что я теперь сделаю! Завтра поход! - проговорил Иван Данилович.

Машенька вдруг тяжело задышала, спазматическое рыдание стеснило ей грудь, слезы катились градом.

- Иван Данилович, что мы будем делать, как вы уедете? - сказала, залившись слезами, и мать.

- Я не поеду! Я хоть в отставку! Мне нельзя оставить Марьи Ивановны, - отвечал Иван Данилович, не помня себя.

- Марья Ивановна, выпейте воды.

- Ах, дайте! - произнесла она.

Хлебнув воды, она схватила руку Ивана Даниловича и, всхлипывая от волнения в груди, проговорила:

- Не уезжайте, я умру без вас!

- Не уезжайте, Иван Данилович, - повторила и мать.

Отец, стоявший, повесив голову, подле кровати, как будто очнулся: заложив руки назад и задумавшись, он прошелся по комнате.

- Глупо выходить в отставку, - сказал он сам себе. - Послушай, душа моя, - продолжал он, позвав жену, - ну, каким образом Иван Данилович выйдет для нас в отставку? Он по доброте, пожалуй, на все готов, да чем же мы ему заплатим?

- Ах, мои батюшки, да что ж делать-то - уморить Машу? Он сам видит, что нельзя ее оставить так.

- Да чем же мы заплатим-то за это?

- Чем? Уж он будто такой человек, что будет с нас требовать платы.

- Хм! Из каких же доходов он бросит службу?

- Из каких! Ох уж не люблю, как такие вещи говорят. Да и до того ли теперь; дочь умирает, а он думает, чем расплачиваться с доктором! Право!

- Ох, вы!

Машенька поуспокоилась. Но отец ее все еще продолжал беспокойно ходить по комнате; вызвал потихоньку Ивана Даниловича и, откашлянувшись, сказал ему:

- Иван Данилович, я вам признательно вперед должен сказать, что мне нечем платить за заботы ваши о Маше. Вы же сказали, что готовы и службу оставить, лишь бы не оставить ее без помощи...

- Нельзя оставить ее в таком положении, - сказал смущенный Иван Данилович.

- Чем же мы заплатим вам за такую жертву?

- Мне ничего не надо.

- Ну, мое дело было сказать.

На другой день полк выступил, а Иван Данилович взял на две недели отпуск.

Он спокоен, и Машенька спокойна, встает уже с постели, весела. Но время отпустило. Иван Данилович задумался.

Машенька что-то опять припала.

Несмотря на материнскую прозорливость, мать ее несколько не понимала ее болезни. Она думала, что, слава Богу, Машеньке гораздо лучше. Но отец, спроста, понял, в чем дело.

- Иван Данилович, - сказал он ему, - вы подняли Машу из гроба... а мы вам обязаны по гроб. Чем заплатить вам за добро? Маша у нас одно богатство... берите хоть ее, если по сердцу.

У Ивана Даниловича слезы выступили из глаз от радости, он бросился на шею к отцу. В это время вошла мать Машеньки.

- Душа моя, я говорил тебе, что с Иваном Даниловичем придется расплачиваться за вылечку Маши. Он просит много... словом, все, что у нас есть за душой.

Она испугалась.

- Иван Данилович, - проговорила она, - вы знаете, что мы не имеем состояния, рады отдать вам все, да ведь у нас дочь невеста.

- Вот то-то и есть, что дочь невеста, - сказал отец.

- Так вы сами подумайте...

- Он уж думал об этом.

- Что думал?

Иван Данилович, смущенный, безгласный, бросился к руке.

- Осчастливьте!

- Господи!

Машенька вспрыгнула от радости три раза: на шею отца, на шею матери и на шею Ивана Даниловича. Денщик Филат надулся: он думал, что вот тебе раз! Пойдет хозяйство! Да какова-то еще!

V

Женитьба - прекрасная вещь: спросите у всех, которые женились и вышли замуж по душе и живут себе припеваючи в любви и согласии. Но это, говорят, просто счастье: чужая душа, говорят, потемки. Ну, засветите фонарь: друга и посреди белого дня надо искать со свечой.

Иван Данилович женился. Марья Ивановна, несмотря на страшное впечатление, которое производила на нее шпага, висящая у боку его, вышла за него замуж с условием, чтоб он никогда не обнажал этого убийственного орудия и не ходил на войну.

- Помилуй, Машенька, чего ты боишься! - говорил ей Иван Данилович, - ведь это больше ничего, как официция.

- Ну, ну, официция! Бог с ней! Поставьте ее в угол, Иван Данилович, я боюсь ее.

- Эх, сударыня-барынька, вот этим только вы изволите быть не хороши, что шпагу не любите, - заметил Филат, который всегда вмешивался в беседу молодых супругов, - сами вы посудите, как же барину быть без шпаги? Не приходится, сударыня; ведь он не арестованной...

- Ну, разговорился, ступай себе! - прервал его Иван Данилович, который, однако же, привык к радушной бесцеремонности Филата.

- А вот как пошлете за чем, так и пойду. Что ж мне так-то ходить, - отвечал Филат, - на кухне у меня все в исправности; там я сам за собой хожу; а вот здесь барынька-то еще порядков не знает, так и надо присмотреть, не равно что спросите.

Ивану Даниловичу надоедает присутствие Филата, а Марья Ивановна рада ему; ей все кажется, как будто опасно оставаться одной с мужчиной.

- Не гоните его, Иван Данилович, - упрасивает она, когда Иван Данилович скажет: «Ну, ступай, ступай себе!»

Женившись и отправляясь на новоселье полка, Ивану Даниловичу неудобно было взять с собою женскую прислугу, и потому решили до приезда на место обойтись без нее.

- Да и зачем, - говорил Иван Данилович, - у меня Филат и кухарка и прачка; вот только разве девка будет нужна одевать Машеньку.

- Вот какие пустяки! - возражала Машенька, - как будто я сама не могу одеться!

- Она у меня с малолетства так приучена, что уходов больших за ней не нужно, - прибавляла мать.

Таким образом молодые супруги и отправились в полк, в сопровождении только одного Филата. А Филат тому и рад, потому что он уже начинал горевать и задумываться: уж как заведутся где, думал он, бабы, так там порядка не ожидай... это уж такая порода. Удостоверившись же, что все должности остаются при нем, да еще сверх должностей кухарки и прачки возлагается на него должность горничной, - Филат ожил. «Да что они думают, - бормотал он под нос, - велик труд прислужить барыне? Подать умыться или на шею платочек-то подать? Поди-ко-сь! Нет уж, сударыня-барынька, вы не извольте насчет меня беспокоиться; я видел всю прислугу-то девичью; вот только разве манишечек не разглажу... Не разглажу, так выкатаю, так еще и лучше будет, сударыня».

- Манишечку я сама разглажу, - говорила Марья Ивановна.

- Так вот оно и все. А вот что я скажу вам по долгу обязанности. У барина-то теперь вы будете справлять, что я справлял. Чай разливать, Вы, сударыня-барынька, взяли на свою ответственность, а не знаете еще, как распорядиться. Давеча изволили налить барину в чашку; он и пил, ни слова не сказал вам. Верно посовестился сказать на первых порах, что он терпеть не может пить в чашке. Так уж вы извольте ему в стакан наливать. Да и сливок-то простых он не любит, а вы налили ему.

- Ах, Боже мой, - вскричала Марья Ивановна, - что ж ты мне давеча не сказал?

- Думал, что сам барин скажет, а он, верно, посовестился. Да еще, вот давеча, я побежал за щеткой, а вы подали барину сами мундир. А порядку-то не знаете: мундир-то он надел, а портупею-то вы не подали. Вот я и отвечай. Сами слышали, как он прикрикнул: «Что ж ты, говорит, шпагу подаешь, а портупея-то где, а?»

- Ах, Боже мой, я, право, этого не знала.

- То-то же, сударыня-барынька. Так вы не извольте не за свое дело братья; а я уж свое знаю: слава Богу, не какая-нибудь служанка - орешки на уме.

Таким образом Филат учил свою барыньку порядкам в доме и был так исправен по части горничной, что не только Иван Данилович, но и Марья Ивановна, приехав на место, забыли о женской прислуге: нет в ней ни малейшей необходимости.

Так прошел год. Ивану Даниловичу Бог дал наследника. Вы думаете, может быть, что прислуга неизбежно увеличилась? Что завелись на квартире Ивана Даниловича няньки и кормилицы? Нимало! Этих должностей Марья Ивановна сама никому не уступила. Она довольствовалась только помощью Ивана Даниловича и Филата.

Честолюбие и способность Филата распространялись и на обязанность няньки.

- Экой труд, - говорил он, нянчиться с ребенком, да еще как весело-то: Агу, Васенька! Вишь какого славного молодца дал нам Бог! Пеленочка-то, сударыня-барынька, немножко мокренька, надо посушить, позвольте-ко я сбегаю посушу перед печкой.

- Нет, лучше чистую; посмотри-ко, чтоб не упал!

- Не беспокойтесь. Васенька, агу! Право, спать-то ему не хочется. Не сварить ли кашки?

На другой год Ивану Даниловичу Бог дал дочку. Васенька поступил на полное попечение Филата. Филат и на базар сбегай, и свари, и подай, и вычисти, и вымой, и

убаюкай Васеньку, и накорми его кашкой, и понянчи его, и везде Филат, и на все ему время: Васенька, как будто по щучьему веленью, спит себе крепко, покуда Филат сбегает за провизией, пока исправляет прочие должности.

Иван Данилович Увалень просто блажен и женой и денщиком. Придет от должности, жена бежит навстречу с Лизанькой.

- На-ко поиграй этой игрушечкой.

- Нет уж, извините, мой-то Васенька получше, - говорит Филат, сидя на разостланном ковре подле Васеньки. - Извольте-ко посмотреть, как мы будем маршировать да выкидывать темп.

И он возьмет красное деревянное ружьецо, начнет выкидывать темп; Васенька, подражая ему, взмахнет ручонками и залется смехом.

- Ну-ко, ну, сам.

И Филат даст Васеньке в руки ружье; Васенька схватит - хлоп по голове учителя и снова захохочет.

- Молодец! Славно! Извольте-ко, Иван Данилович, посмотреть за ним, а я подам кушать.

Еще через год в команду Филата поступила и Лизанька. Иван Данилович на службе, Марья Ивановна кормит и нянчит и убаюкивает Леночку; Филат обложит Васеньку на ковре подушками и игрушками, даст в руки морковку, а сам укачивает на руках Лизаньку. Только что она уснула, он ее в люльку, да и марш.

- Извольте, сударыня-барынька, смотреть, чтоб не убился Васенька, а я сбегаю за молоком. - И сбегает.

Проходит еще год, семья Ивана Даниловича увеличивается, то же самое жалование растягивается на все потребности; все надо прикрыть; а между тем то там, то сям голо. Но что делать!

К счастью или к несчастью Ивана Даниловича, полк был переведен на новые временные квартиры. Под штаб назначено было село Притычино. Иван Данилович с семейством своим также прибыл в село Притычино и вскоре заболел было горячкою. Полк отправился в поход, а он остался на несколько дней на месте, чтоб собраться с силами.

В это-то время прибыл в свое имение Чаров. Так как это событие нисколько, казалось бы, не касалось до Ивана Даниловича, то он, поднявшись на ноги, тотчас же сказал Марье Ивановне.

- Поедем, душа моя, пора!

Марья Ивановна убедительно просила подождать денька два-три, покуда посаженная ею курица на яйца высидит цыплят. Иван Данилович согласился.

- Эх, сударыня-барынька, болтуны будут, а не цыплята: и наседке-то не сидится что-то на месте, - сказал Филат, как будто по какому-то предчувствию.

Прошли три дня. Оказалось, что Филат прав, вышли болтуны.

- Ну, едем, Господи, благослови! - сказал Иван Данилович, усаживая жену и детей в бричку.

- Да уж поздно.

Только что Филат уселся на козлы, а Иван Данилович занес ногу на подножку брички, вдруг бежит дворовый человек сломя голову.

- Стой! стой!

- Что такое?

- Сделайте милость, сударь, пожалуйста в дом. Барин приказал просить вас Христом Богом: госпожа заболела.

- Да, братец... видишь, - сказал Иван Данилович.

- Сделайте милость, хоть на минутку! Уж там не моя будет вина, как вы сами откажетесь.

- Ах ты, Господи! - проговорил Иван Данилович с досадой.

- Что ж делать, душа моя! - сказала Марья Ивановна, - нельзя же, люди помощи просят.

- Уж конечно, - пробормотал с досадой и Филат, - как поймали за хвост, не уйдешь!

- Ну, нечего делать, схожу на минуту, - сказал Иван Данилович.

Навстречу ему другой посланец, третий, наконец сам Чаров.

- Сделайте одолжение, помогите жене моей, - сказал он, взяв руку Ивана Даниловича и ведя его в покой, где Саломея лежала в постели и стонала.

- Ernestine, вот доктор.

Иван Данилович посмотрел на нее, взял руку, считает биение пульса, качнул головой. Чаров испугался.

«Пустяки!» - думает Иван Данилович.

- Сделайте милость, помогите, я вам буду благодарен по гроб.

- Я принесу лекарства из своей аптечки, это ничего, пройдет, - сказал Иван Данилович.

Нечего делать, надо было вытаскивать из брочки чемодан, из чемодана аптечку, из аптечки пузырек.

- Подожди, душа моя, я сейчас, - сказал Иван Данилович жене, - между тем уложите опять все в брочку.

- Да, сейчас! - сказал Филат, - что у барыни-то, верно, спазмы?

- Спазмы.

- Ну, будет такой же час, как у полковницы.

Филат отгадал. Капли поуспокоили чуть-чуть Саломею; но Чаров решительно сказал Ивану Даниловичу, что он его не пустит, покуда жена его не почувствует себя вполне здоровою, и тут же дал ему сто рублей серебром. Иван Данилович не из денег, но по доброте сердца дал слово остаться еще на день, уверяя, что это пройдет само собою. Но когда Иван Данилович возвратился на квартиру, объявил жене, что остается до завтра, вынул из кармана ассигнацию и развернул. Машенька ахнула. Он остолбенел.

Деньги! Но кто не знает, что только дай деньги в руку, воображение тотчас же начинает писать бюджет необходимых расходов и так займется этим делом, что все забыто.

Филат повесил голову.

- Что ж, сударь, кушать, что ли, готовить? - спросил он Ивана Даниловича поутру, когда тот торопился навестить вольную.

- Нет, нет, мы поедем сейчас же! - отвечал Иван Данилович, уходя.

- Да... поедем! Барыньке-то голодом просидеть, покуда поедем? - И он начал готовить суп из той самой курицы, которая высидела болтунов.

- Что, как чувствует себя ваша супруга?

- Не совсем еще... вот не угодно ли войти.

- Что, сударыня?

- Скажите ему, что спазмы утихли... но вот здесь болит, - отвечала Саломея по-французски, указывая на бок. - И голова очень дурна.

«Хм! придется составить микстуру...» - подумал Иван Данилович. - Я пришлю вам микстуру, так извольте давать через час по ложке, и все пройдет; а уж меня извините, надо ехать.

- Нет, как вам угодно, я вас убедительно прошу пожертвовать мне несколькими днями, - сказал Чаров.

- Он хочет ехать? - спросила Саломея. - Пожалуйста, не отпускай, я здесь умру без помощи. Я чувствую страшное расслабление.

- Я ни за что не пущу его, - отвечал Чаров и уговорил Ивана Даниловича остаться еще на день, потом еще на день.

- Да помилуйте, я не могу, - сказал, наконец, решительно Иван Данилович. - Я служу, остался здесь без отпуска, мне надо непременно ехать.

- Ска-а-тина! - сказал по привычке Чаров, но про себя. - Послушайте, Иван Данилович, угодно вам будет принять мое предложение?

- Какое?

- Быть медиком при моих имениях, с двумя тысячами рублей жалованья. Квартира здесь в доме, во флигеле, экипаж, прислуга, провизия и, наконец, все, что вам угодно?

Иван Данилович задрожал от неожиданного счастья. Прослужив определенный срок в полку, он давно уже рассуждал с женой о затруднениях походной жизни с семейством и желал получить какое-нибудь оседлое местечко с хорошим жалованьем.

- Я поговорю с женой, - сказал он Чарову и тотчас же побежал на квартиру, и вместо всех разговоров и совещаний крикнул: - Маша! Я выхожу в отставку.

Марья Ивановна побледнела, не понимая, что это значит.

- Поздравь, душа моя, и меня и себя: две тысячи рублей жалованья, квартира, прислуга, экипаж, провизия!

Марья Ивановна всплеснула руками от радости. Он рассказал ей о сделанном предложении, и туг же вместе сочинили они счастливую свою будущность; решили, и Иван Данилович пошел в дом, объявил Чарову, что он согласен и тотчас же подаст в отставку.

- Очень рад, - сказал Чаров.

Филат, готовя кушанье в задней избе, ничего не знал и не ведал об этом решении.

- Филат! Филат! - закричала Марья Ивановна, когда он пришел накрывать на стол, - знаешь ли что?

- Что, сударыня?

- Ведь мы остаемся здесь»

- Как?

- Иван Данилович выходит в отставку.

- Владыко Ты мой, Царь Небесный! Что это он вздумал?

- Да как же, - продолжала Марья Ивановна, - он будет медиком при этом именье, будет получать две тысячи в год жалованья, квартиру, экипаж, прислугу...

- Ооо! Господи! - завопил: Филат, хлопнув тарелку об землю.

- Что это ты, Филат, Бог с тобой! - вскрикнула Марья Ивановна, вздрогнув, - ты испугал Леночку.

- Ничего, - отвечал Филат, выходя из комнаты. - Вышел он, остановился посреди двора и зарыдал. Это были первые слезы Филата после того, как ему забрили лоб. Солдатская душа даром не плачет...

Выплакался, постоял на месте, задумавшись, вздохнул, пошел, споткнулся на камень... - пффу!... - да как схватит его, хлоп об стену: - собака проклятая!

Снова вздохнул и побрел на кухню. Но тут словно как запретили ему заботиться обо всем, словно как не его уж дело быть кухмистером, чумичкой, прачкой, слугой. Постоял, постоял - пошел к воротам, сел на завалинку.

Вот Иван Данилович торопится что-то домой.

Филат и не думает вставать перед ним.

- Филат! - кричит издали Иван Данилович. Филат не отвечает.

- Филат! - повторяет Иван Данилович, озабоченный каким-то душевным довольствием, - собирай сейчас все, да переноси в дом: там покажут тебе комнаты.

- А обедать-то когда? - спросил Филат, вставая.

- Не нужно, там будет у нас и стол поварской.

- Иван Данилович! - проговорил Филат упрекающим голосом и качая головой.

- Ну?

- Иван Данилович! Бог с вами! Что вы делаете?

Как ни крепился Филат, а слезы брызнули, и он, закрыв лицо руками, зарыдал.

Иван Данилович как будто вдруг очнулся от очарования, понял упрек, остановился, смотрит на Филата, задумался.

- Иван Данилович! - начал снова Филат, - кого вы это слушаетесь, сударь, такие дела делать! Барыньки, что ли, послушались? Молода еще Марья-то Ивановна советы вам давать выходить в отставку. На деньги польстились, жалованья стало мало! Подико-сь! До сей поры жили же, а тут вдруг, ни с того ни с сего... Ну, мало, возьмите и мое, какое ни на есть, все-таки деткам-то вашим на молочко да на кашку достанет. С меня и пайка довольно.

- Иван Данилович! - раздался из окна голос Марьи Ивановны.

Филат умолк. Иван Данилович, повесив голову, вошел в избу. Марья Ивановна сидела у окна и заливалась слезами.

- Машенька, душа моя, о чем ты плачешь? - спросил Иван Данилович, испугавшись.

Он привык к слезам полковницы и всегда смотрел на них равнодушно, но слезы Марьи Ивановны как будто канули ему на сердце.

- О чем ты плачешь, друг мой? - повторил он.

- Ни о чем, - проговорила Марья Ивановна и еще горчее залилась слезами.

Не понимая причины, Иван Данилович насилу унял слезы ее.

- О чем же ты плакала?

- Мне показалось, что вы передумали. Филат вам, Бог знает, что наговорил...

- Помилуй, я буду слушать Филата! Вот тебе раз! Что я - Вася, что ли, которому он сказки рассказывает? Филат! - крикнул Иван Данилович, - укладывай, да переноси все в дом!

- Да что, Иван Данилович, я уж вам не слуга: я служил вам, покуда вы на царской службе были. А теперь у вас там, чай, есть целая дворня...

- Как ты смеешь грубиянить?

- Я не грубияню, а правду говорю.

Иван Данилович вспыхнул гневом и заходил по комнате.

- Я сама уложу все, - сказала Марья Ивановна и бросилась все прибираться.

- Уж не извольте беспокоиться, сударыня, - сказал Филат, - не ваше дело.

В это время вошел человек, присланный от Чарова.

- Барыня приказала просить вас поскорее к себе, - сказал он, - а если что нужно переносить из поклажи, так я привел с собой двух человек.

- Вот кстати, - сказал Иван Данилович, - распорядись, душа моя, а я пойду.

- Хорошо, - отвечала Марья Ивановна с веселым взором и велела было пришедшему человеку нести чемодан.

- Куда нести? - крикнул Филат, - нет уж, я не позволю чужому человеку дотронуться до господского: я за все отвечаю. Ступай, брат! На руках-то тебе ничего не достанется нести: у нас есть бричка. Всякое дело хозяина знает. Ступай!

- Как прикажете? - спросил лакей у Марьи Ивановны, воображая, что Филат, верно, пьян.

Затронутое самолюбие взволновало ее, но, боясь грубого Филата, она проговорила:

- Ступай! Он сам уложит и перевезет.

Ни слова не говоря, надутый, как мышь на крупу, Филат исполнил свое дело; уложил все в бричку, запряг лошадей и донес Марье Ивановне, что все готово.

Переезд был не далек. Флигель по ветхости неудобен был для жительства. Ивану Даниловичу с семьей отвели две комнаты в доме; две комнаты, проникнутые насквозь тлением; но потолок еще держался, стены стояли; обои прикрывали смертные недуги их; но гноище проросло грибами из-за подполья. Их очистили, и комнаты, уставленные прочной старинной мебелью, показались для Марьи Ивановны, после черных и душных изб, роскошью, какой лучше желать нельзя.

Для прислуги дан был дворник и его единокровная дочь Татьяна. О завтраке, обеде, ужине, самоваре нечего было беспокоиться: в определенное время все это являлось, как в волшебных сказках. Толстый буфетчик придет, молча раскинет скатерть, поставит приборы, принесет кушанье, доложит: «Готово кушать, самовар готов!» - и дай Бог только хороший аппетит.

Филату негде уже приткнуться, не о чем похлопотать. Ходит, повеся голову, посмотрит на все да вздохнет. Ивану Даниловичу некогда обращать на него внимание. Иван Данилович написал уже прошение об отставке, отослал с нарочным в город на почту и стережет здоровье Саломеи, которая что-то расхворалась. Марья Ивановна и позабыла о Филате. Она еще восхищается всеми удобствами новой жизни.

Ходит Филат как убитый. Сначала звали его на кухню обедать; «Убирайтесь вы, с вашим обедом!» - отвечал он. Оставался еще запас черного хлеба, испеченного им для господ и для себя. Отрежет ломтик, съест, запьет водицей и сядет на крылечке или пойдет к воротам, как дождевая туча. Там никто не видит, как он утирает слезы.

Пройдет мимо него Иван Данилович, он встанет и стоит, повеся голову, покуда он пройдет. Но что-то у него на душе, что-то он сказал бы ему, да язык не поворотится. Вот вышел запас хлеба, провианту нет, неоткуда получать, а просить куска хлеба Филат не станет. Денег у него ни копейки.

Думает Филат думу, и надумался. Вошел к Ивану Даниловичу, который занят был составлением лекарства.

- Иван Данилович, - сказал он тихо.

- Что тебе?

- Извольте уж отпустить меня в полк, что мне здесь делать?

И с этими словами Филат утер рукой слезу, выступившую из глаз.

Иван Данилович взглянул на него, и хрустальная ступочка выпала у него из рук, разлетелась надвое; невольным движением столик, на котором он разложился со своей аптечкой, грохнулся; склянки, пузырьки разлетелись вдребезги.

Марья Ивановна вскрикнула от испугу.

- Иван Данилович, что вы наделали! - вскричал и Филат, бросаясь подбирать все с полу.

Иван Данилович всплеснул руками и онемел.

- Это все ты, проклятый! - крикнул он наконец, - пришел тут толковать мне под руку!

- Да, кто ж как не я... Я, Иван Данилович, до сей поры служил верой и правдой, худого слова от вас не слышал; а тут... ну, да что говорить! Позвольте мне идти в полк.

- Ступай, убирайся! Вот тебе и все. Что я теперь буду делать без аптеки, Господи!

- Так так-то, Иван Данилович, на прощанье-то... Бог с вами. Прощайте, Марья Ивановна, Васенька. - И Филат зарыдал, выбежал вон; схватил свою амуницию, накинул сумку на плечи, перекрестился и пошел...

В это самое время Саломея лежала на диване и охала. Чаров ходил в каком-то недобром духе по комнате.

- Долго ль я буду ждать его, этого коновала!

- Послал. Сам пойду. - И Чаров, нахмутив брови и плюнув, так, чтоб больная не слышала, пошел к Ивану Даниловичу.

Иван Данилович сидел, повеся голову, а Марья Ивановна, приклонив голову к нему на плечо, утирала слезы. Перебитая вдребезги аптечка стояла перед ними на столике, как ящик Пандоры, из которого вышли все их несчастья.

- Что ж, Иван Данилович, - крикнул Чаров, входя, - скоро ли вы?

Иван Данилович и Марья Ивановна вздрогнули от неожиданного его появления и строгого голоса.

- Беда случилась, - проговорил робко Иван Данилович, вставая со стула.

- Что такое?

- Вот... разбилась... - отвечал Иван Данилович, приподнимая с полу отбитое горлышко пузырька.

- Что ж вы будете делать теперь - лечить без лекарства?

- Я напишу рецепт... можно послать в аптеку.

- В какую аптеку? В город почти сорок верст! Через час понадобится новое лекарство - опять посылай? Десять раз на день будете переменять лекарство, и все посылай?

- Что ж делать, свойство болезни такое...

- Скажите пожалуйста! Больной виноват, что вы не отыщете в своей медицине, чем его вылечить!

- Нет-с, это не то. Если бы, собственно, болезнь... так на болезнь есть лекарство, - начал было Иван Данилович, но доброе сердце его и робость не договорили правды.

- Позвольте, - сказал он, - я сам съезжу в город, пополню аптечку. Поутру я возвращусь.

- У-урод! - проговорил Чаров про себя. - Извольте ехать, да прошу вас, скорей!

Приказав запрячь немедленно тройку в повозку, Чаров, задумавшись и в тревожном духе, сам отправился на конюшню. Стоял безмолвно, покуда запрягали лошадей, потом начал ходить по двору; казалось, что он боялся войти к Саломее до возвращения доктора из города.

- Ох! уж мне эти болезни! - проговорил он, наконец, направив стопы к дому. - Оханья, стоны, жалобы... Урод! говорит, что это не болезнь! Здоровая скаatina! По нем - все притворяются страждущими, выдумывают разные боли, чтоб только иметь удовольствие пить его поганое лекарство. Какая скука! Фу, черт, навязал на шею тоску!

Между тем Саломея очень грациозно лежала на диване. Когда Чаров вышел торопить доктора, боли как будто утихли в ней; она о чем-то задумалась.

Боязнь быть узнанной матерью, и в то же время возгоревшаяся страсть к Георгию, который так хорошо, так вполне созрел для любви, подействовали болезненно на Саломею. Приехав в Притычино с Чаровым и решаясь на полную роль мадам де Мильвуа, Саломея не могла покорить в себе тяжких впечатлений собственной судьбы. Нервы ее были потрясены, дряхлый дом и мрачные комнаты, наводящие уныние и думу о невозвратном прошедшем, о бренности настоящего и неизвестности будущего, развили в ней страх и отвращение ко всему. Присутствие Чарова ей было тягостно; ласк его она не могла переносить; решительность упрочить судьбу свою в лице мадам де Мильвуа исчезла. И вот к расстроенному духу присоединилось притворное страдание то головной болью, то внутренним жаром, то расстройством желудка. Притворство входит в привычку, мнимая болезнь вызывает настоящую, воображаемую беду можно накликать; и все это обращается в боязнь за себя; а медицина за все отвечает. В этом положении была Саломея по приезде в Притычино. Желая восстановить в себе дух, она потребовала доктора.

Доктор на беду его нашелся под руками. Назначил диету, дал лекарства. А лекарства, говорят, из притворной болезни решительно рождают настоящую или, по крайней мере по системе Ганнемана, все признаки. Саломея больна, имеет все права жаловаться на болезнь. Но она чувствует, что от лекарства Ивана Даниловича все хуже и хуже.

Когда слышались шаги Чарова, который, не зная, как сказать ей о несчастье, постигшем аптечку Ивана Даниловича, шел медленно, придумывая успокоительные речи вместо успокоительных лекарств, Саломея вдруг почувствовала снова боль и заохала.

- Боже мой, я страдаю, - проговорила она, - никто не поторопится подать помощь!

- Успокойся, - сказал Чаров, - сейчас привезут лекарство. Вот видишь что: этот Иван Данилович думал довольствоваться своей глупой аптечкой, но я послал его в город за лекарством, необходимым для тебя. Он сейчас же возвратится.

- Ах, он меня уморит! Я это чувствую!

- Так лучше всего ехать в Москву, Ernestine. Поедем в Москву; там все лучшие доктора к твоим услугам. В самом деле, я также не очень полагаюсь на этого полкового лекаришку.

- В Москву... - проговорила Саломея, задумавшись.

- Когда твое здоровье поправится, мы возвратимся тотчас же сюда. А между тем здесь все будет возобновлено к нашему приезду, и мы проведем лето в блаженном единении, - сказал Чаров, взяв руку Саломеи.

- Ах, постойте! Я не могу переносить принуждений, - глубоко вздохнула Саломея.

Чаров встал с места, также вздохнул и начал ходить по комнате.

Между тем Иван Данилович распростился с Марьей Ивановной и помчался в город пополнять свою аптечку.

Марья Ивановна была в отчаянии. Она не испытала еще горя разлуки. Ей страшно было отпустить Ивана Даниловича в дорогу без себя; Бог знает, что может случиться. Со слезами на глазах она проводила Ивана Даниловича, простояла до сумерек на крыльце, смотря на дорогу, возвратилась в комнату как убитая, не спала целую ночь, просидела целое утро у окна и в этом положении забылась, несмотря на крик и шум детей.

Но вот около полудня возвратился благодатный. Соскочив с повозки, Иван Данилович вбежал в комнату, крикнул: «Машенька!», бросился к жене и так перепугал ее, что она, очнувшись, задрожала, насилу пришла в себя и, вместо радости, залилась слезами.

Успокоив ее, Иван Данилович принялся составлять микстуру; составил и побежал на другую половину. Двери заперты; никого нет.

Он в переднюю, и в передней пусто. Он опять к дверям, постучал легонько - никто не отвечает.

- Что ж это значит?

Вышел на крыльцо. Видит, что Трифон запирает ставни.

- Трифон, где люди?

- Какие?

- Да вот... ваши, - проговорил Иван Данилович.

- Какие наши? Господские-то? Уехали с баринном.

- Как уехали?

- Да так, как уезжают. Барин поехал в Москву, и они за ним.

- А госпожа?

- А госпоже-то здесь, что ли, остаться одной?

- Да ведь она больна.

- Ага; ее так-таки сам барин под руки в карету посадил.

- Скажи пожалуйста... как же это! - продолжал расстроенный этой новостью Иван Данилович.

- Как, как?

- Да скажи пожалуйста... ведь... Да что ж барин сказал, уезжая?

- Ничего не сказал. Он был что-то не в духе. Чуть-чуть было не прибил кучера за то, что лошади дернули, как он сажал госпожу-то в карету.

- Хм! - произнес Иван Данилович, задумавшись и возвращаясь в свои комнаты. - Машенька, помещик-то уехал в Москву. Что ж ты мне ни слова не сказала?

- Да и я не знала, мне только сейчас сказала Татьяна; я спросила, что ж не подают чай, а она говорит: «Да кому ж подавать-то: буфетчик уехал с баринном».

У Ивана Даниловича руки опустились.

- И все уехали, и повар уехал, и обеда не готовили... Я не знаю, что ж мы будем обедать? - сказала смущенная Машенька, смотря на Ивана Даниловича.

- Что ж это такое! - проговорил он, - я уж этого и не понимаю. Верно, она опасно заболела. Он, верно, сделал какие-нибудь распоряжения. Пошли Татьяну за управляющим Васильем.

- Ох, подите вы! Пойду я к этому озорнику! - отвечала Татьяна.

Иван Данилович отправился сам.

Управляющий Василий был не что иное как дворовый человек, которому поручено было собирать и доставлять к барину оброк с имения.

- Барин уехал? - спросил Иван Данилович.

- Уехал, - отвечал Василий, который привык только с баринном и при барыне говорить по-человечески.

- Он... говорил насчет меня что-нибудь? - продолжал Иван Данилович.

- Что такое-с?

- Насчет положенья... обо мне?

- Об вас? Никак нет, ничего не говорил, - отвечал Василий, посмотрев искоса на Ивана Даниловича.

- Это странно!

- Дать вам подводу, что ли, ехать отсюда?

- Какую подводу: барин твой предложил мне быть медиком при этом именье.

- При этом именье? - повторил Василий подозрительно. Ему тотчас же пришло в голову опасение, чтоб Иван Данилович не сделался в имении господским глазом.

- Да, при этом именье. Он сказал, что мне будет доставлено здесь все необходимое.

- Не знаю; тут у нас ничего нет.

- Каким же это образом? Мне нужна провизия, и по крайней мере кухарка.

- Этого уж я не знаю.

- Но, вероятно, барин забыл отдать тебе приказ.

- Не знаю; у нас провизии никакой тут нет, ни заведений нет никаких, - пробормотал Василий под нос себе, зевая.

- Я напишу к барину, а между тем мне нужно что-нибудь есть, - сказал взволнованный Иван Данилович.

- Этого уж я не знаю, - повторял Василий с убийственным равнодушием.

В отчаянии и недоумении что делать, Иван Данилович возвратился в дом.

- Забыл распорядиться насчет меня! Это ни на что не похоже! - крикнул он, хлопнув фуражку на стол. - Что мы будем делать? Это ужас! Наконец, что-нибудь есть надо, а тут никакой даже провизии!

Но Марья Ивановна кое-как распорядилась уже о чае и обеде. Сама поставила чайник, Татьяну послала купить на селе курицу, масла, молока, каких-нибудь овощей.

- Что ж ты беспокоишься, что за беда такая, что забыл? - говорила Марья Ивановна в утешение мужу. - И ты, я думаю, забыл бы все, если б я, избави Бог, опасно заболела. Напиши к нему, вот и все. Он и пришлет приказ управляющему отпускать нам все, что нужно.

- Напишу, - проговорил Иван Данилович. - Да, это все-таки неприятно - сесть на мели! Черт меня принудил подавать в отставку, да еще и Филата отпустили.

- Полно, пожалуйста, как тебе не стыдно говорить такие вещи!

Утолив свой голод стряпаньем Марьи Ивановны, Иван Данилович успокоился.

- И в самом деле, - сказал он, - с таким капризным чертом как его жена, не трудно все забыть. Я ему напишу.

Иван Данилович написал что следует к Чарову, послал письмо к управляющему, чтоб отправить к барину, но управляющий отвечал, что ему не с кем посылать.

Иван Данилович принужден был нанять посланца.

Ждет ответа неделю, две. А между тем настали сильные дожди. Стены отсырели, текут, холод в комнатах ужасный.

- Любезный, здесь жить нельзя, - сказал Иван Данилович, призвав Трифона, - отведи, пожалуйста, другие комнаты.

- Об этом уж извольте написать барину: без его приказы я не смею, - отвечал Трифон.

И вот новое письмо к Чарову. Проходит месяц, ни ответа, ни привета. А между тем деньги на исходе, а жалованья не ждать...

Иван Данилович и Марья Ивановна в отчаянии. Начинают уже припоминать счастливое житье-бытье в полку, вспоминать Филата и его слова.

- Вот оно, душа моя, - повторяет Иван Данилович, - Филат-то правду сказал, что выйдет болтун.

У Марьи Ивановны часто уже слезки на глазах.

Написал Иван Данилович еще и еще письмо к Чарову. Но Чарову не до него: у Чарова на руках Саломея. К тому же в докторе ему уж нет необходимости.

- Скаатина! Что он тут городит? Ведь я дал ему сто рублей серебром за визит, чего ж ему больше? Написать к нему, что медик при именье уж не нужен: может опять поступить на службу, в полк.

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

*Боже, спаси меня от друзей,
а с врагами я и сам справлюсь.*

Когда игра заканчивается, король и пешка падают в одну и ту же коробку.

ЧЁРНАЯ ЖЕНЩИНА

Николай Греч
С.-Петербург, 1796
 Роман.

Начало в № 74
Книга вторая

XXXIV

Кемский лежал в безмолвии на диване и смотрел пристально на потолок комнаты. Алимари стоял у окна и глядел на улицу. Вдруг раздался глухой бой барабанов, и вслед за тем послышались унылые звуки погребальной музыки.

- Хоронят французского генерала, - сказал Алимари, как будто желая успокоить Кемского, который мог быть изумлен и испуган этими необыкновенными звуками; но Кемский не обратил внимания на эти слова; казалось, и вовсе не слышал их. Печальное шествие проходило мимо окон.

- Почий с миром, храбрый, благородный воин! - говорил Алимари вполголоса. - Ты совершил свое земное поприще как честный человек и усердный гражданин! Обогрел кровию врагов твоего отечества шпага лежит, как должное украшение, на гробе твоём, но в самом гробе покой, мир и отдохновение во трудах. Ты храбро и мужественно сражался с врагами явными и скрытными; враги чтили и уважали тебя, соотечественники преследовали; но ты не совратился с пути, предначертанного честью, долгом, присягою. Ты не уныл, не упал духом под ударами судьбы, преследующей человека в земной жизни. Ты имел в виду цель высшую, благороднейшую и теперь достиг ее: претерпел до конца и положил страннический посох свой лишь там, где провидение назначило предел твоей жизни. Теперь ты освобожден, успокоен, награжден. Блаженство там - благословения здесь!

Кемский начал прислушиваться. Алимари, заметив это, умолк. Кемский спросил:

- Какого генерала хоронят?

- Чемпионета, - отвечал Алимари сухо.

- Как, Чемпионета? - спросил Кемский с горестным изумлением. - Покорителя Неаполя и Рима, победителя Мака?

- Того самого, - отвечал Алимари, - того самого, которого уважал и чтит Суворов. За подвиги и услуги отечеству был он награжден гнусною неблагодарностью, и, когда отечество, на краю гибели, воззвало к нему, он вновь взялся за оставленный меч и стал на страже. В несчастии, в гонениях он не унизился, не возненавидел жизни, зная, что человек сам в ней не властен. Настала его черда - и он успокоился.

- Преследование, гонение, тюрьма, - возразил Кемский, - все это ничто, когда в сердце хранится еще надежда, когда мы знаем, что есть в мире люди, которые одним словом, одною улыбкою наградят нас за претерпенное нами.

Алимари обрадовался этому ответу: кто спорит, кто доказывает, тот уж не в отчаянии.

- В этом мире, говорите вы? Жалко утешение, которое ограничивается этим ничтожным, временным миром рабства и тления! Жалок человек, который, от обыкновенных неизбежных всякому бедствий в жизни, может впасть в отчаяние, презреть провидение, восстать против своего творца! Он не знает, чего лишается в вечности.

- Неужели, - возразил Кемский с видом оскорбленного самолюбия, - нет случаев, нет горестей в жизни, которые не могли бы преодолеть слабого человека?

- Слабого, конечно, но человек слабый не есть человек истинный, царь земного творения.

- Нет, - сказал Кемский, - часто случается, что долг и совесть, честь и правила веры приходят в борение между собою, и человек, впрочем сильный характером и твердый духом, падает от ударов высшей силы.

- Вы говорите о тех случаях, в которых долг гражданина и сына отечества находится в борении с правилами человека и христианина. Не вам, русским, упоминать об этих случаях: у вас один бог, один царь, одно отечество! Живите и умирайте за них: вы исполните все свои обязанности, и они никогда одна другой противоречить не будут. Чтоб доказать вам, до какой степени можно из любви к своему долгу заглушить в сердце голос природы, приведу еще пример: я должен взять его в рядах ваших неприят-

телей. Пример этот представляет вам генерал Моро. В то время, когда он, сражаясь за Францию, оборонял ее от натиска сильных врагов, неистовые изверги, называвшиеся правителями его отечества, казнили родного его отца. Человек слабодушный, хотя б и добрейший сердцем, бросил бы службу неблагодарному отечеству, но Моро умел отличить Францию от ее притеснителей: проливая слезы о невозвратной потере, он не забывал обязанностей гражданина, не унывал душою, не ослабевал в усердии к родине жестокой, но всегда любезной!

- Так! - сказал Кемский сквозь слезы. - Моро поступил в этом случае, как истинно великий человек; но вы не знаете, как жестоки могут быть иногда удары судьбы, как неисцелимы раны сердца! Вы не знаете...

- Не знаю? - вскричал Алимари с жаром и в некотором исступлении. - Не знаю? Нет, друг мой! Я знаю, слишком хорошо знаю эти потери, эти страдания, которым предел - только во гробе! - Сказав эти слова, он громко зарыдал.

Кемский изумился: он никогда не видал своего друга в таком положении. Твердый, благоразумный, убеленный сединами, охлажденный летами, Алимари рыдал, как дитя, как юноша, лишившийся подруги своего сердца.

Через несколько минут Алимари обратил наполненные слез глаза свои на Кемского.

- Молодой человек, - сказал он ему, - это невольное излияние чувств старика, стоящего уже одною ногою в гробу, вас изумило. Но я не в состоянии был удержаться от слез при воспоминании об одном ужасном случае моей жизни. Я никому не говорил о нем, потому что не надеялся найти человека, который мог бы постигнуть и оцепить всю жестокость моих страданий. С вами же разделю воспоминание, которое с лишком сорок лет тяготит мое сердце.

Кемский при этих словах друга забыл на минуту собственное горе и страдание, не отвечал ни слова, но любопытным взглядом дал знать, что готов слушать.

XXXV

- Я не буду много распространяться, не буду искать, выбирать выражений. И простой рассказ этого периода моей жизни едва ли не истощит сил моих. Слушайте!

Вы помните, думаю, что я, сообщая вам историю свою, умолчал о десяти годах моей жизни; вы помните, что я вам говорил о нежелании моем вступить в духовное звание. Я умолчал тогда об истинной причине моего отказа: причина эта была любовь. Любовь - чувство благороднейшее, святейшее из вложенных творцом в сердце человеческое, чувство, которое, как по всему видно, становится реже и реже в свете, которое вскоре будет пылать в сердце только немногих избранных, а прочим известно будет лишь по сказаниям минувшего века. Предания и развалины священной старины, заветы родительские, игры детских лет, мечтания юношеские - все это истребляется тлетворным дыханием эгоизма, властолюбия и алчности к золоту, все поглощается так называемую политикою, равенством, свободою, как цветущие города и поля покрываются истребительною лавою, составляющею на них, по охлаждении, ровную поверхность. Мы мечтали, мы любили, мы блаженствовали! Вы еще видите закат того светила, которое лучами живило мир пиитический, волшебный. Близкие наши потомки станут читать в книгах повесть о бывшем, незнакомом им веке Астреи: одни не будут верить, чтоб он когда-либо существовал; другие станут осыпать его насмешками и презрением. Едва ли немногие избранные будут питать в сердцах огонь священный. Но, может быть, все клонится к лучшему, только не для нас, запоздалых в мире гостей из прошлого века!

Вы знаете, что я учился в Павийском университете. Я учился прилежно, неутомимо, страстно. Особенно занимала меня древняя литература, преимущественно греческая, занимала не столько важностью своих произведений, сколько священным благоговением, возбуждаемом во мне помыслами о юных днях мира, о свежей жизни эллинов. Мне не довольно было книг печатных: я списывал их на свитках, стараясь подделываться под самую древнюю скоропись; стихи Гомера писал уставом по образцам, оставшимся на памятниках и медалях. Профессор мой полюбил и отличил меня за это предпочтение его предмета, но не мог заняться мною исключительно. Он познакомил меня с своим бывшим учителем, осьмидесятилетним иезуитом, который, отслужив в профессорской должности пятьдесят лет, посвящал остальные годы жизни своей изучению любимого предмета.

Он жил уединенно, в предместьи города. Я приходил, когда мог удосужиться, к почтенному старцу и читал с ним авторов, поэтов греческих. Вскоре увидел я, что нашел клад в этом старике: он любил древнюю Грецию до исступления и, как я слышал, за это страстное обожание языческого времени и народа был в самой

молодости притесняем начальниками своего ордена. Его употребляли как знающего и искусного профессора, приносившего честь обществу св. Игнатия, но не давали ему ходу в иерархии: он всегда оставался простым монахом. Это стеснение отнюдь его не огорчало; напротив, он радовался, что занятия духовные не мешали его любимым упражнениям. Жизнь отшельническая и непрерывное занятие ума одним и тем же предметом неминуемо должны были действовать на его душевные силы: он действительно помешался на греческом языке, утверждал, что нашел истинное греческое произношение и открыл настоящую мелодию древнего напева эллинов. Можно вообразить, как он обрадовался, найдя во мне ученика прилежного и страстного. Я проводил у него целые утра. Старик с восторгом сообщал мне свои правила, наблюдения и открытия, но иногда в середине речи останавливался и, пристально посмотрев на меня, говорил: "Жаль!" Потом обращался опять к любимому предмету.

Я был бы еще вдвое прилежнее, если бы одна мечта не отвлекала меня от древней Эллады. Я заметил в одно воскресенье в иезуитской церкви молодую, небогато одетую девицу, молившуюся с выражением глубокого чувства. Она стояла на коленях, обратясь к главному алтарю. Сначала не мог я видеть ее в лицо: гибкий стан, лебединая шея, херувимская головка - все обличало в ней красавицу. Я протеснился к ней сбоку и ждал окончания молитвы. Незнакомка приподнялась и обратилась к образу, висевшему на той стороне, где я стоял. Облик ангела, взгляд праведницы, слезы христианского умиления - поразили меня. Я едва не закричал, чуть не упал, удержавшись за перила ограды. Легкое дымчатое покрывало спустилось на прелестное лицо. Девица, преклонив еще раз колени пред алтарем, пошла из церкви, сопровождаемая другою женщиною. Я не смел следовать за нею. Незнакомая дотоле новая жизнь возникла в душе моей: все предметы облеклись в глазах моих радужными цветами; на лицах женщин искал я, чего и сам не знал, искал выражения лица знакомки. Я искал и ее самой, но напрасно. В церкви она не являлась. Впрочем, как ни желал я увидеть ее еще раз, как ни горел нетерпением узнать, кто она, - душа моя довольствовалась воспоминанием: она питалась лицом божественным, явившимся на минуту и заронившим в нее искру вечного огня. И рассудок говорил мне, что я не должен доискиваться того, что благодетельное провидение, может быть, с умыслом, от меня скрывает: пусть одна душа наслаждается тем, что для души создано! Мечтания юных лет! Но стоит ли вся остальная существенная жизнь наша этих мгновенных мечтаний?

Мысль о знакомке наполняла меня всего: я учился и занимался прилежно по-прежнему, но только механически. Все греческие буквы старинных манускриптов казались мне обведенными красною каемкою; только те места классиков занимали меня, где говорилось о женщинах. Этих жен, этих дев юной Эллады, думал я, давно уже нет в мире: так и моя мечта существует для меня только в воображении. Мой наставник стал замечать мою рассеянность, невнимательность, забывчивость и, видимо, этим огорчился. Он начал сперва стороною, а потом и прямо упрекать меня в небрежении, в холодности к великому предмету изучения древности. Я пытался было возобновить в себе прежнее рвение к любимой науке, но оно улетело невозвратно. Наконец решился я сказать почтенному старцу, что сухость предмета наших занятий убила во мне всю охоту к учению и что молодому человеку нет возможности долго заниматься исследованием мертвого языка.

- Мертвого! - вскричал оскорбленный старец. - Мертвого! Сын мой! Что ты сказал? Мертвы только те языки, которыми человек выражает свои земные нужды и страсти. Но язык Греции, язык Платона и Демосфена, Гомера и Софокла, язык Божественного Откровения - ты называешь мертвым! Он жив, как живо солнце Адама!

Я извинился в неосторожности выражении, но присовокупил, что подробное изучение столь великого предмета превосходит мои силы.

- Твои силы! - воскликнул он. - Твои силы! У тебя силы атлета, у тебя память железная, у тебя... довольно! Я докажу тебе, что не нужно исполинских сил, не нужно продолжительного занятия для постижения предмета, если только мы обнимем его душою. Приходи ко мне сегодня вечером, когда смеркнется. Теперь ступай, подумай на свободе о неразумии слов своих и принеси чистое покаяние! Неужели я в тебе ошибся! Неужели одна... ступай с богом, сын мой!

Последние слова произнес он дрожащим от душевного волнения голосом. Мне жаль стало почтенного старца. Я повиновался: вечером, лишь только смерклось, отправился я к нему, нетерпеливо желая знать, чем он докажет обязанность мою учиться греческому языку. Он встретил меня на пороге дома, ввел в приемную комнату, в которой не было свеч, велел мне сесть в углу и молчать, а сам вошел в кабинет, не запирая за собою дверей, и только задернул их завесою.

- Продолжай, Антигона! - сказал он кому-то. Женский голос начал читать Софоклова "Эдипа в Колоне", именно приветствие хора несчастному слепцу. Невидимая читала смело, чисто, с строгим наблюдением размера. Когда она начала вторую антистрофу, старик потребовал объяснения некоторых мест. Тот же голос отвечал ему. Засим началось пение: приятнейший женский голос, какой когда-либо раздавался под сводами неба Италии, запел прочитанные строфы на мелодию, вымышленную стариком: он сам дрожащим голосом стал вторить - и я перенесся мыслью в глубокую древность, в то судилище, которое, выслушав эти стихи Софокла, отринуло донос неблагодарных детей, обвинявших его в безумии. Когда утихло пение стихов Эдипа, началось чтение прозы Демосфеновой. Старик останавливался на каждом периоде, на каждом сомнительном слове, требовал объяснения и получал его. После такого подробного разбора тот же голос женский прочитал разобранные периоды по правилам декламации моего учителя. Голос был так же чист и приятен, как прежде, но нежность и мягкость его уступили место величию и твердости. По окончании чтения раздался звук одобрения: старик поцеловал эллинистку. Свет в кабинете исчез. Он вышел ко мне, взял меня за руку, подвел к двери на улицу и сказал торжественным голосом:

- Ты слышал, чего может достигнуть слабая женщина. Стыдись. Теперь ступай с Богом!

Голос невидимки проник глубоко в мою душу и сначала едва не изгладил из нее прежнего впечатления, произведенного зрением. Но потом слились обе мечты, и я начал воображать себе, что невидимая Антигона была действительно слышанная мною девица. Эта мысль возбудила во мне прежнее рвение к эллинской древности. Старик видел чудесное действие примера и восхищался своею стратегмою. Так неопытный поэт радуется успеху актрисы, читающей его стихи, и приписывает произведению своей фантазии действие прекрасных глаз! Но для меня мои идеалы оставались идеалами: незнакомки я по-прежнему не встречал нигде; невидимки не слышал, ибо старик принимал меня лишь по утрам в своем отдельном кабинете, сообщавшемся с сенями посредством приемной залы: я никогда не видал у него никого постороннего. Иногда слышались шорох и невнятные отдаленные голоса из жилых покоев. По вечерам дом был неприступен. Однажды я с умыслом забыл у него книгу и вечером пришел за нею, но не мог достучаться. Утром, видно, мой старик жил в кабинете ученого; вечером - запирался в келье монаха.

Чрез несколько месяцев после того единообразные занятия мои прерваны были поездкою к дяде, в Виченцу. Пробыв там недели две, я воротился в Павию и тотчас по приезде пошел навестить почтенного моего наставника. Двери его дома были заперты, по обыкновению, но в этот раз я не мог достучаться. "Странно! - подумал я. - Неужели никого в доме не осталось?" - и опять начал стучать. В соседнем доме высунулась в окошко старуха и с недовольным видом спросила, кого мне надобно.

- Отца Валентина! - сказал я.

- Он умер, - отвечала она, - сегодня хоронят его в иезуитской церкви.

Эта весть поразила меня: я был молод и не привык еще к утратам; теперь, если умрет кто из приятелей моих, мне кажется, что мы с ним были в гостях, и он только ранее меня пошел домой, где я вскоре найду его. Я побежал в иезуитскую церковь. Там, в одном скромном приделе стоял гроб, освещаемый тусклыми лампадами. Хор иноков окружал почившего брата и пел хвалебные гимны неисповедимому. Поодаль у стены стояло несколько женщин в траурной одежде и покрывалах. Они тихими голосами вторили пению; иногда казалось мне, что я в этих унылых звуках слышу что-то знакомое. По окончании обряда братия подняли гроб и понесли на близлежащее кладбище. Женщины последовали за ними. Я шел подле.

- Не вы ли синиор Алимари? - спросила одна из них дрожащим от старости голосом.

- Я Алимари, - отвечал я.

- Покойный брат мой искренно вас любил и, чувствуя приближение кончины, хотел видеть. Но вас не было в Павии. Это его огорчило. Он скончался, твердя ваше имя.

- Так вы сестра моего почтенного наставника! А это? - сказал я, указывая на женщину, которая шла подле нас, тихо рыдая.

- Это дочь моя, его крестница и ученица, теперь совершенная сирота: я ей не подпора!

Мы подошли между тем к могиле, опустили гроб при молитве священника, при пении монахов и при общих рыданиях. Покрыв хладною землею останки друга, мы воротились в город. Я шел за сестрою покойного, сам не зная для чего. Она остановилась с дочерью у одного дома и спросила, не хочу ли я посетить ее на минуту. Я согласился; мы вошли в комнаты, убранные не богато, но чисто и со вкусом.

- Антигона! - сказала старушка дочери. - Помоги мне принять нового гостя.

"Антигона? - подумал я. - Это она - невидимка". В эту минуту они сняли с себя покрывала. В матери увидел я женщину почтенного вида, как казалось, кроткую и добродушную, когда же обратил глаза на дочь, узнал мою незнакомку. Мечта моя осуществилась: Антигона была действительно та самая девица, которая красотой своею поразила меня в церкви. Я смутился. Хозяйки мои приписали это застенчивости, начали говорить со мною, старались ободрить. Я оправился, вслушался в их речи, стал отвечать и через час познакомился с ними, как будто знал их несколько лет. Вскоре узнал я все подробности их состояния и жизни. Мать была вдова художника, умершего, когда Антигона едва начала себя помнить. Дядя взялся за воспитание племянницы и, преподавая ей уроки в первоначальных знаниях, заметил в ней необыкновенные дарования и способности. Это родило в нем желание воспитать племянницу, как бы племянника, познакомить ее с высшими науками, с языками и литературою древности. Антигона училась охотно и прилежно, радовалась своим успехам, ибо они восхищали ее благодетеля, но не догадывалась, что познания ее редки и необыкновенны в женщине, потому и сохранила скромность, смирение, кротость своего пола; твердя стихи Гомера и Софокла, готовила умеренный обед своего семейства и пела строфы Анакреона как обыкновенные народные песни. Старик дядя жил в одной с ними квартире, имевшей выходы на две улицы. Приходившие к нему поутру не догадывались, что он живет в семействе. Вечером уходил он в другую половину дома и занимался обучением Антигоны.

Через два года я сочетался браком с Антигоною. Не буду говорить вам, как я был счастлив, счастлив несколько лет: на это не станет у меня слов. Дядя не соглашался на брак мой, готовя меня в духовное звание, и, когда узнал, что я женился, написал ко мне, чтоб я не ожидал от него никакого пособия, что он предоставляет меня судьбе моей... судьбе моей! Мать моей жены в том же году скончалась. Нам нечего было делать в Павии. Один университетский товарищ, родом португалец, пригласил меня к себе, в Лиссабон, обещая доставить мне хорошее место. Мы туда отправились. Я поступил в службу под начальство министра Помбаля, одного из величайших государственных мужей истекающего столетия, досужие часы проводил я в беседе моей Антигоны, в занятиях науками. Бог даровал нам двоих детей. И ныне, по истечении полувека с того времени, каждый день, отходя ко сну, я молю неисповедимого подателя благ душевных воскресить для меня в мечте дни молодых лет: иногда молитва бывает услышана, и это случается только тогда, когда в течение дня мне удалось сделать что-либо доброе, укротить в сердце чувство самолюбия или нетерпения, помочь ближнему. Тогда переносюсь я во сне в Лиссабон; сижу в саду моем, под тению каштанов; подле меня сидит Антигона. Антонио трехлетний играет у ног наших. Елена у ней на руках.

Алимари при сих словах затрепетал всем телом, слезы навернулись у него на глазах, голос его пресекался. Кемский взял его за руку с выражением сердечного участия - и сам заплакал.

- Что ж с ними сделалось? Где они? - спросил он.

- Первого ноября пятьдесят пятого года, - продолжал Алимари, - я был счастливейшим человеком в мире, но какое-то мучительное волнение, как бы предчувствие несчастья волновало грудь мою. Воздух в тот день был необыкновенно тяжел. Густые тучи носились над Лиссабоном. Зловещие птицы хриплым криком предвещали жестокую бурю. Я лег спать в ожидании какого-то неизвестного бедствия. Странные мечты вскоре разбудили меня. Проснувшись, вижу Антигону: она стоит на коленях пред распятием и, заливаясь слезами, усердно молится.

- Что с тобою, друг мой? - спросил я в беспокойстве.

- Мне страшно! - сказала она. - Хочу подкрепить и успокоить себя молитвою!

Я хотел было отвечать ей, но вдруг ужасный грохот и треск на улице изумил и ужаснул меня.

- Что это? - закричала с трепетом Антигона и кинулась к спящим детям.

Я набросил на себя платье и поспешил выйти из дому. На улице, полной уstraшенного народа, раздавались вопли ужаса и отчаяния. Земля колебалась под моими ногами, стены огромных зданий падали, как карточные домики, и давили людей под собою. Ночь была темная. Гром небесный вторил подземному грохоту. Молнии ежесекундно освещали картину опустошения. Сделав несколько шагов по улице, я обратился назад к своему жилищу, но уже бездонная пропасть отделяла меня от моих. Я стоял в двадцати шагах от своего дома, в мертвенном оцепенении, сам не зная, где я и что со мною делается. Вдруг сверкнула молния: Антигона стояла у окна, держа в руках детей; увидев меня, она закричала: "Прости навеки!" Еще молния - и я видел, как дом мой рухнул в бездну. Я чувствовал, что на меня посыпались камни, и больше ничего не помнил. На другой день, сказывают, меня вытащили из-под груды развалин. Не знаю,

что происходило со мною с того времени. Я очнулся, как говорил вам, чрез год после того, в Бадахосе - на руках добрых монахов, одинокий сирота, забвенный в мире. Я пошел в Лиссабон; на том месте, где был дом мой, лежали груды камней. Все исчезло навеки.

- И вы остались живы? - спросил Кемский.

- Живу, ибо так угодно создавшему меня; живу и жизнь стараюсь заслужить место подле жены и детей моих.

- И вы не находите в этом случае, что судьба жестоко поступила с вами, что она с адским злорадством погубила невинных, а вас пощадила, вам дала долголетие, чтоб ежедневно возобновлялись в вашем сердце мучительные воспоминания! И вы не клянете часа своего рождения?

- Нет, - отвечал Алимари тихо и протяжно, - ежедневно благословляю и благодарю Провидение: оно знает, что делает. И чем долее живу, тем тверже, усладительнее становится во мне мысль о премудрости, правосудии и благодати Божиих и в самых грозных для человека явлениях. Признаюсь, иногда возникал в душе моей ропот на неопостижимость судеб человеческих, но он утихал при первом взгляде моем на этот свет, при помышлении о таинственности духовного мира. В ту ночь, которая разрушила все мое земное счастье, одна великая государыня, великая в женах, Мария Терезия, дала жизнь принцессе, рожденной со всеми правами и надеждами на счастье в мире. Я был свидетелем торжественного въезда Марии Антонии в Францию, неоднократно видал ее и посреди великолепного двора, и в простом одеянии помещицы трианонской и при взгляде на нее не мог удержаться от тайного трепета, от тайного негодования на судьбу, в одно и то же мгновение отнимающую у одного человека все и все дающую другому. Но потом, когда душевные страдания, все жесточайшие удары судьбы посыпались на эту несчастную принцессу, когда она сведена была с трона в темницу, лишилась супруга, разлучена была с детьми, когда в одну ночь поседел ее волос, и на другой день она взошла на эшафот, - тогда в растерзанной страданиями ближних душе своей я принес покаяние господу, что дерзаю роптать на него, видя счастье, возникшее в один день с моими страданиями, и благословил невидимую десницу, меня покаравшую.

- Удивляюсь вашей твердости, вашей покорности судьбе, - сказал Кемский, - но не постигаю, как можно пережить тех, для кого мы жили в мире. Для меня, в нынешнем моем положении, смерть, и самая мучительная, была бы благодеянием. Что мне осталось в мире?

- И русский спрашивает об этом! - сказал с жаром Алимари. - У вас осталось отечество, и в отечестве вашем люди, достойные вашей любви, вашего попечения.

- Отечество? - возразил Кемский. - Где оно? Я пленник, на чужбине, может быть, осужден несколько лет томиться в неволе. И что отечеству во мне! Я отжил свой век.

Алимари хотел возразить, радуясь, что Кемский начал спорить - знак, что раны сердца его заживают. В это время постучались у дверей, и на отзыв Кемского вошел французский офицер, держа в руках шпагу с русским темляком.

- Вы ли поручик князь Кемский? - спросил он учтиво.

- Я, сударь. Что вам угодно?

- Республика Французская заключила мир с Империей Российской. Первый консул, чья вашего императора, уважая храбрость русских, возвращает всем пленным свободу. Я прислан сюда для извещения об этом пребывающих здесь офицеров. Вот ваша шпага; примите ее из рук недавних врагов ваших, умеющих чтить воинские доблести. Все приготовлено к вашему отъезду. Вы можете ехать в свое отечество когда угодно.

Изумленный Кемский, взяв в безмолвии шпагу, не знал, что отвечать. Офицер поклонился и вышел.

- Верите ли теперь, что есть Провидение, которое посреди жестоких испытаний указывает нам путь долга и чести? - сказал Алимари.

- Верю! - воскликнул Кемский и бросился в объятия друга.

Продолжение следует...

Николай Греч.

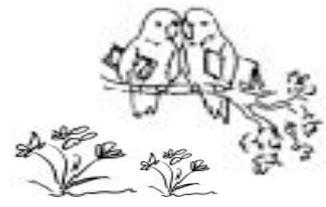
С.-Петербург. Роман впервые издан в 1834 году.

Умный – ближайший кандидат в неврастеники... Он не живет – он терпит дураков. Он изгой, «внутренний эмигрант», несчастное существо из другого мира, случайно заброшенное в мир дураков и не знающее, как из него выбраться. Александр Бурьяк.

Тузик и его друзья

Концерт

На Шумном дворе с утра творится что-то странное. Солнышку плохо видно, потому что его часто закрывают облака. Только изредка оно с любопытством поглядывает вниз: - там, во дворе какая-то необычная возня... Но вот опять налетела облака - и стало серой тучкой. Будто хотело сказать - "Не подглядывай раньше времени!"

Наконец, Леопард не выдержал, пожалел любопытное Солнышко, - дерево скрипнуло ветками, тряхнуло зелёными кружевными листьями - и выдало СЕКРЕТ: на Шумном Дворе идёт репетиция, все готовятся к концерту.

Солнышко весело рассмеялось: так вот, почему Тузик и гномики с утра бегают по двору; попугаи всё время повторяют какие-то слова; Матильда Леопольдовна помогает Рябушкам учить коротенькие стихи; сороки разучивают новые песенки - да, да, в Австралии сороки очень красиво поют!

Но вот, гномики притазили откуда-то доску и что-то мастерят.

- Кажется, это будет сцена - догадалось Солнышко. Но его опять закрыла серая тучка. Только теперь тучка стала большой и тёмной...

Наконец, сцена готова.

Мишка-Голубишка принёс барабан и трещотку. Вместо "тарелок" - гномики притазили из кухни крышки от кастрюли и железные ложки - теперь получится такой шум-гам, хоть убегай, как в настоящем оркестре! Затем Тузик подключил самую громкую музыку и повесил разноцветные лампочки.

- Зачем лампочки? - удивились попугаи. - Ведь мама-Иголочка всё равно не позволит вечером шуметь и отправит детей спать...

А вот, зачем.

Тузик всё время смотрел на небо: пока на Шумном Дворе шла возня, серая тучка превратилась в очень большую чёрную тучу. Даже темно стало. Вот поэтому и нужен яркий свет.

Попугай Базлан дал Матильде Леопольдовна микрофон - белая кошка будет вести конференс - то есть, она объявлять выступления артистов, играть на губной гармошке и немного плясать.

Участие в концерте принимают ВСЕ. Поэтому "артисты" - Тузик, Рябушки, попугай Базлан и все его приятели, Бублик с Говорилкой, и даже Мишка-Голубишка - все уже в костюмах - собрались возле сцены под Леопардом.

Подошёл самый важный момент: репетиция. И не просто репетиция, а самая последняя - Генеральная Репетиция. Это, - когда артисты, в костюмах и масках, в последний раз показывают - как они будут петь, читать, танцевать. Когда надо хорошо знать слова песенки или стихотворения. Когда колотят в барабанчик. Когда бьют в тарелки и трясут трещотки. В общем, всё как полагается. И ещё - когда проверяют, как работает микрофон...

Но попугаи нетерпеливые, они не захотели долго ждать.

- Хватит репетировать! - закричал Базлан.

- Давайте, начинайте КОНЦЕРТ, закричали сороки. - Скорее начинайте!

Зрители: мама-Иголочка, папа-Лобик и дедушка Помахайкин - в наушниках - отошли подальше к забору, в самый конец двора. Потому что хорошо знают, что сейчас поднимется шум и придётся зажать уши.

И вот, громко заиграла музыка. Матильда Леопольдовна в розовой юбочке поднялась на сцену, поклонилась зрителям и нежно мяукнула, то есть, объявила:

- Дорогие гости. Представляем вашему вниманию таланты Шумного Двора. Первым номером нашего концерта...

Ничего не слышно! - крикнул Базлан с ветки Леопарда, и его сразу поддержали приятели-попугаи.

Сейчас перед вами выступит... - снова мяукнула Матильда Леопольдовна.

Но её слова заглушил ужасный грохот. Это - Мишка-Голубишка уронил барабан. Барабан упал на железные крышки и ложки, и со звоном покотился со сцены на траву, будто "Колобок".

Бублик полез спасать трещотки, зацепился ногой за провод - и опрокинул микрофон. В курятнике поднялся переполох. А микрофон передаёт переполох в 10 раз громче...

- Что делать? - развёл руками Говорилка. - Надо спасти концерт.

- Музыку! - кричит Бублик. - Давайте громче музыку!

Рябушки, милые, - заволновались гномики, - скорее читайте стишки!

- Мы от страха всё забыли, - закудахтали Рябушки.

- Тогда повторяйте за мной, - подбежал к ним Тузик:

А в это время...

В это время сверкнула молния. Послышались раскаты грома. Гром заглушил слова гномиков, лай Тузика, звон тарелок и ложек, крик попугаев и кудахтанье Рябушек.

Никто не заметил, как исчезла Матильда Леопольдовна. Оказалось, белая кошка убежала от шума на веранду, и теперь лежит там без памяти. А возле забора смеются зрители.

И вдруг на траву упали первые капли дождя.

- Детишки, бегом домой! - позвала мама-Иголочка.

Но тут пошёл сильный дождь. Рябушки бросились спасаться в курятник. На ветках Леопарда спрятались Базлан и приятели-попугаи. Папа-Лобик только успел поднять Мишку-Голубишку и барабан, дедушка Помахайкин - микрофон...

Шумный Двор быстро опустел. Только крышки и ложки остались лежать на траве и тихо переговаривались:

- Самое главное, - сказала большая блестящая ложка, - гномикам было весело.

- Да. Птицы тоже радовались, - звякнула крышка, - потому что было очень громко...

- А вот и нет, - подала голос губная гармошка, - "громко" вовсе не значит лучше: я так красиво пою, а меня никто и не слышал...

На веранде послышался голос Матильды Леопольдовны, она уже успокоилась.

- Завтра будет новый день, - мякнула белая кошка, - мы опять устроим концерт.

- Обязательно устроим, - ответил из будки Тузик. - Только уже не так громко, чтобы не пугать больше облака и... Матильду Леопольдовну.

“Жемчужина” № 82 - Апрель 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Верую!.. (стих. Сергей Бехтеев)	1
У ног Христа (стих. Вера Кондратович)	1
Говорят про Россию... (стих. Анна Опарина)	1
Царский Крест (стих. Сергей Бехтеев)	2
Проблема христианской культуры (статья, И. Ильин)	3
Белой ночью (стих. Алексей Гушан)	5
Земля пробудилась... (стих. К.Р.)	5
Сибирский поэт Георгий Николаевич Кольцов -	
У могилы неизвестного солдата /	6
/ Слепой /	6
/ На Ваганьковском кладбище /	6
/ Светлой памяти моей матери /	7
Память возвращается, как птица... (очерк, Татьяна Гладких)	8
Люди (стих. Леонид Мартынов)	11
Ещё мы живы (стих. Н.Н. Лисин)	11
Круговорот (миниат. Александр Смирнов)	11
Татьяна Ларина - апофеоз русской женщины (Ф.М. Достоевский)	12
На земле я искал... (стих. Павел Далецкий)	13
Кружились тихие слова (стих. В. Румянцев)	13
Иосифу Бродскому (прот. Артемий Владимиров)	14
Анонс: Междунар. Исто.-Лит. Творч. Конкурс	15
От редакции	17
Анчоус (рассказ, Татьяна Пахоменко)	17
Ностальгия (рассказ, А Герасимов)	21
Отчего над землей... (стих. Павел Далецкий)	22
И было всё на свете... (стих. Н.Н. Лисин)	22
Уходят праздники... (стих. В. Румянцев)	22
Колин родник (рассказ, Михаил Смирнов)	23
Мое село (стих. Владимир Лебедев)	27
Вся правда о Колобке (рассказ, С. Криворотов)	28
Прошло каких-то тридцать лет (стих. В. Румянцев)	30
Душой и сердцем педагога (стих. Владимир Лебедев)	30
Старый мост (стих. Марина Овчинникова)	30
Временный дар (рассказ, Анатолий Арестов)	31
Смирный человек (рассказ, свящ. Николай Толстиков)	32
Саломея (роман, А.Ф. Вельтман)	33
Чёрная женщина (роман, Николай Греч)	47
Тузик и его друзья (Т. Малеевская, рис. автора)	53

Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская.

Электронную версию журнала читать в Интернете - <http://zhemchuzhina.yolasite.com>

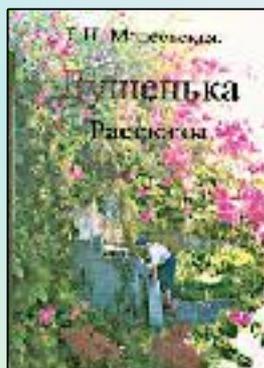
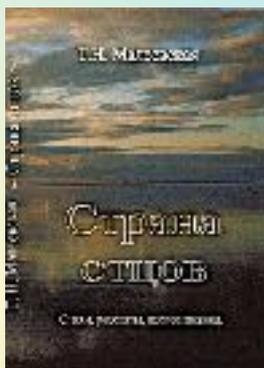
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>

<http://ruskojezarubezhje.yolasite.com>

tamaleevwriting.yolasite.com

<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

ВНИМАНИЕ !
 Вышла в свет новая книга:
Т.Н. Малеевская
«ВИДЕНИЯ» -
 - Избранные стихи, рассказы,
 воспоминания, путевые заметки -
 За справками обращаться –
 tmaleevsky10zabelsky@gmail.com

Литературный кружок «Жемчужное Слово»
<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

Сайты связанные с журналом «Жемчужина»
 Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>
 Новый сайт «Русское Зарубежье»
 Посвящается Харбинцам и послевоенным эмигрантам из Европы -
<http://ruskojezarubezhje.yolasite.com>
 Также личный сайт автора -
tamaleevwriting.yolasite.com

Авторские Видео в YouTube
 Видеозаписи можно смотреть на YouTube
<https://www.youtube.com/channel/UCL7DgIlg6NNWRtSooYMdF0g>
 или
 просто в YouTube набрать имя * Tamara Maleevsky *